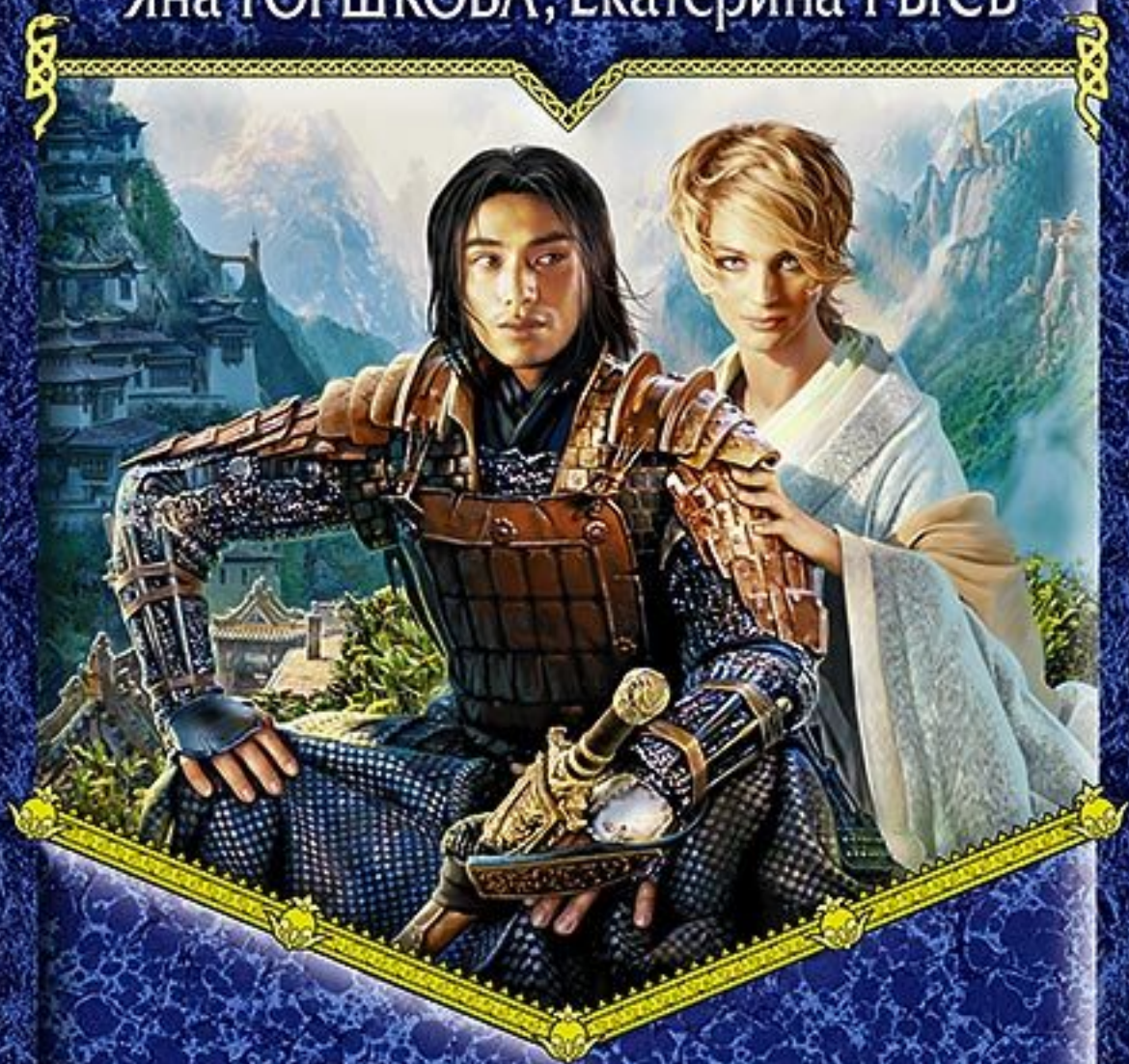

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Людмила АСТАХОВА,
Яна ГОРШКОВА, Екатерина РЫСЬ

ПЕЧАТЬ БОГИНИ НЮЙВЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

**Екатерина Рысь
Людмила Викторовна Астахова
Яна Александровна Горшкова
Печать богини Нюйвы**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11829570

Печать богини Нюйвы: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2015

ISBN 978-5-9922-2097-1

Аннотация

Время – это змей, который сам себя кусает за хвост. Саша Сян, девушка из Тайбэя, получает в наследство от своей русской бабушки загадочный дневник, и в ее жизни начинают происходить странные и мистические события. Чтобы спастись, она должна распутать клубок из тайн, в сердцевине которого – история двух русских барышень, по воле древней богини попавших из двадцатого века в жестокий мир воюющих династий. Может ли так быть, что сквозь времена и эпохи любовь красной нитью связала Сашу с мужчиной из прошлого? И что случится, когда прочитана будет последняя страница легенды, в которой смерть и страсть сплелись воедино, как инь и ян?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	41
Глава 5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Глава 1

Из огня да в полымя

Тайвань, Тайбэй, 2012 г.

Когда самолет зашел на посадку в аэропорту Тайбэя, Саша в последний раз перечитала письмо из адвокатской конторы и поморщилась. Кто бы мог подумать, что несколько строчек, напечатанных на дорогой плотной бумаге, способны так кардинально изменить привычное течение ее жизни!

Девушка откинулась на спинку кресла, рассматривая в иллюминатор пушистые, подсвеченные утренним солнцем облака. На пальце ее, поймав блик, сверкнуло тонкое золотое кольцо – символ недавней помолвки. Пока еще не свадьбы. Мысль эта отчего-то успокаивала, и Саша невольно улыбнулась, изумляясь своей нерешительности в этом в общем-то важном вопросе.

Причин медлить со свадьбой у нее не было. Они с Ли знали друг друга достаточно долго и хорошо, чтобы понимать – союз их будет гармоничным и удобным. Девушка прикрыла глаза, представляя себе будущее: дом в Сан-Франциско, совместные завтраки... дети, такие же улыбочивые и кареглазые, как и ее будущий муж. Картина, нарисованная в ее воображении, казалась поистине идеальной, и все же чего-то в ней не хватало.

Александра виновато глянула на аккуратный конверт, лежащий на ее коленях. Нужно было признаться себе – получив неожиданную и тревожную вест из Тайбэя, она воспользовалась ситуацией и сбежала. От окончательного решения, от собственных сомнений. От Ли.

– Добро пожаловать в Тайбэй, – произнес в динамиках ровный женский голос. – Температура воздуха за бортом...

Девушка вздохнула и постаралась сосредоточиться, но мысли, юркие и суетливые, как пчелы, упрямо жужжали в голове. Сходя с трапа, забирая свой багаж, улыбаясь и кланяясь сотрудникам аэропорта, она все равно думала об одном: что же понадобилось самым уважаемым адвокатам Тайбэя от нее так срочно и безотлагательно?

По телефону законники говорить не пожелали: нет-нет, никак не возможно, совершенно исключено, дело слишком важное, слишком конфиденциальное. Саша, привыкшая за последние годы к некоторой американской бесцеремонности, конечно, посоветовала бы им самим прилететь к ней в Сан-Франциско: вам надо, вы и старайтесь, почтенные. Но мягкий и вежливый голос назвал заветное имя из прошлого, самое любимое и дорогое, – и девушка попала на крючок.

– Госпожа Сян Александра Джи, мы с почтением приветствуем вас. – Так, с вкрадчивой осторожной вежливостью, присущей тем, кто привык говорить о тайнах, было ей сказано всего два дня назад. – Адвокатская компания «Мин Са и сыновья», Тайбэй, к вашим услугам. Позвольте передать вам сердечный подарок и привет от вашей покойной бабушки, достойной Сян Тьян Нью. В приватной обстановке и лично, если вы не возражаете.

Саша поправила сумочку на плече, тряхнула головой. Что же, она здесь – и готова, пожалуй, ко всему. Бабушка была личностью незаурядной, немного эксцентричной и вполне могла оставить своей любимой внучке наследство, о котором не поставила в известность семью. Но если это какой-то обман...

«О, вы пожалеете», – приветливо кивнув таксисту, пообещала себе девушка.

В кабинете господина Мин Са, старшего партнера адвокатской компании «Мин Са и сыновья», было просторно и прохладно. Кондиционер с чуть слышным гудением изгонял из воздуха присущие Тайбэю запахи цветов, акации, влажной земли и бензина. Светлые

стены с тонко подобранными картинами, диваны, распахнувшие свои кожаные пасти будто для того, чтобы проглотить любого, кто осмелится присесть на такую роскошь, – все вокруг говорило о деньгах.

Александра сложила руки на коленях и чуть приподняла подбородок. Напротив нее с абсолютно непроницаемым выражением лица сидел господин Мин Са собственной персоной. Губы его изгибались в улыбке, но глаза, темные и внимательные, были холодны.

– Госпожа Сян, – выдержав приличествующую случаю паузу, наконец произнес он. – Приношу вам свои глубочайшие извинения за то, что наша контора так грубо и несвоевременно побеспокоила вас.

Девушка сжала зубы. В Сан-Франциско она отвыкла носить маску – там люди улыбались, горевали и гневались открыто, не стесняясь. Тайбэй же...

«Держи лицо», – приказала она себе и едва заметно кивнула господину Мин Са.

– Что вы, – слегка охрипшим голосом сказала она, – это я должна извиниться перед вами за свою первоначальную недоверчивость.

– Ах. – Адвокат, внезапно напомнивший ей старинные изображения Будды, сдержанно рассмеялся. – Я понимаю, что причина, побудившая нас связаться с вами, очень необычна.

Девушка сглотнула. Да. Он прав. Подарок от бабушки. От бабушки, которая умерла почти десять лет назад. Если это не необычно, то что тогда? Глубоко вздохнув, она распрямила плечи. Пора было переходить к делу – тратить время и нервы на бессмысленную ритуальную вежливость сейчас не было ни настроения, ни сил.

– По телефону вы сказали, что бабушка что-то мне оставила, – решительно заявила Александра и отчего-то почувствовала удовлетворение, увидев, как чуть приподнялись брови адвоката, пораженного ее прямолинейностью.

– Это так, – согласился Мин Са. – Ваша почтенная родственница всю жизнь пользовалась услугами нашей конторы и последнее свое волеизъявление в этом мире тоже доверила исполнить нам. И мы его конечно же исполним. Только проявите еще немного благорасположения к нашей скромной компании, молодая госпожа, и ответьте на один вопрос.

Девушка нахмурилась было, но потом, помедлив, кивнула.

– Скажите, правильно ли я осведомлен: на прошлой неделе, пятнадцатого числа, вам исполнилось тридцать лет?

Саша напряглась. Откуда и почему адвокат в Тайбэе знает дату ее рождения? Она уже почти двенадцать лет не живет здесь, в Тайване.

– Все так, – решив пока повременить с вопросами, отозвалась она.

– Вас же не затруднит подтвердить этот факт документально? – вкрадчиво поинтересовался адвокат.

Девушка, все больше и больше настораживаясь, показала ему паспорт, отчего-то и сама недоверчиво взглянув на дату. Ей до сих пор не верилось, что тридцатилетний рубеж перейден. Казалось, недавно она совсем еще девчонкой уезжала – убегала! – из Тайбэя в Сан-Франциско. Но время пролетело, некоторые мечты сбылись, другие... другие – нет.

Господин Мин Са, лично удостоверившись в ее правдивости, вдруг глубоко поклонился и обеими руками подвинул к наследнице небольшой ларец.

– По завещанию госпожи Сян Тьян Ню, – тихо произнес он, – нам предписано вручить вам эту шкатулку сразу же после того, как минует тридцатый день вашего рождения.

Саша не помнила, как добралась домой, не помнила возгласов матери и сдержанного отцовского приветствия – ей казалось, что мир вокруг вдруг изменился, превратился в зыбкий туман. Оставшись одна в своей старой комнате-студии, она подошла к балетному станку. Танцы всегда помогали ей обуздать собственный характер.

Едва рука ее коснулась поручня, девушка закрыла глаза, застыла, расслабила плечи и спину. Вдох, другой, третий, молчание, плавно перетекающее в движение, – и она расслабилась, позволив себе секундную передышку.

Ей нужно было обрести внутреннее спокойствие, стать деревом, что гнется под порывами ветра, не ломаясь, стать небом, что смотрится в зеркало океана. Потому что всего несколько часов назад ее привычная, размеренная жизнь вдруг превратилась в бурную реку и неумолимо повлекла свою хозяйку вперед, в неизвестность.

Движение запястьем – едва заметное, мягкое. Наклон. Вдох. Саша повернула голову и, охнув, сбилась с ритма. На столике у двери посверкивал полированными боками привезенный от господина Мин Са бабушкин дар – ларец из персикового дерева. Наследство, которое нашло свою новую владелицу спустя почти десять лет. Девушка прижала ладонь к глазам.

Большая золотая шпилька *бу-яо* с нефритовыми подвесками, серая терракотовая рыбка и толстая, от корки до корки исписанная тетрадь – вот что хранилось в заветной шкатулке. Прощальная весточка от женщины, которая вырастила ее, дала сил и упорства последовать за своей мечтой. Александра сжала губы.

Разговор с адвокатом стал кинжалом, который рассек ее жизнь напополам, отделил прошлое от будущего, она знала это. Она чувствовала. И не ошиблась.

Потому что бабушка завещала ей куда больше, чем счет в банке или недвижимость, – она доверила ей свою жизнь: слова, написанные кириллицей на пожелтевших от времени страницах, годы, полные любви и борьбы. Саша поняла это сразу же, открыв дневник и увидев первые строки. Бабушка будто протянула к ней руку издалека, из темноты, заговорила со своей младшей внучкой строго и в то же время ласково.

«Иногда я думаю, почему все вообще случилось так, а не иначе? И что стало бы с нами, если бы... Если бы мы не оказались в Шанхае? – Вот что писала Тьян Ню. – Если бы не умер папа? Если бы у меня не было сестры? Если бы в России не случилось большевистского переворота? Что есть первопричина всему? И был ли вообще тот миг, когда колесо времени могло остановиться?»

Ее внучка тряхнула головой, снова положила руку на балетный станок и изо всех сил стиснула пальцами прохладный гладкий поручень. Себе она могла признаться в том, что боится – нет, не опасных откровений или запретных секретов, но самой судьбы. С суевренным ужасом девушка вдруг подумала: что, если вся жизнь ее была лишь подготовкой к этому дню? Сюжеты старинных преданий про переселение душ, предназначения, проклятия вдруг показались ей не такими уж сказочными и забавными.

И эта шкатулка, которая, словно русская игрушка матрешка, скрывала в себе куда больше, чем казалось с первого взгляда. Саша нахмурилась. Можно было бы, конечно, закрыть ларец, отложить потрепанную тетрадь в сторону, не читать, сбежать. Но...

Бабушка родилась в России, и все же никого, кроме нее, дорогой Alexandrine, в их семье не заставили учить певучий северный язык. У Сян Тьян Ню было много внуков – род их насчитывал почти полсотни человек – но только ей, младшей, она вдобавок к китайскому дала и русское имя, а потом и вовсе забрала «маленькую Alexandrine» к себе на воспитание. И традициям старая госпожа никогда не противилась... кроме того единственного случая, когда Саша не пожелала выходить замуж по отцовскому приказу. Тогда-то бабушка и показала свой характер, запретила неволить. Спасла.

Нет. Девушка не могла не прочитать дневника. Это было бы предательством, даже хуже – отречением. Если бабушка Татьяна хотела, чтобы она, ее внучка, знала, то так тому и быть.

Вздохнув, Александра Джи опустила голову и постояла так несколько секунд. Сейчас, когда решение было принято, на нее снизошло то самое успокоение, которого она так отчаянно искала в танце. «Проведи меня своей дорогой, бабушка, – мысленно попросила она, вспоминая властное морщинистое лицо, сдержанную улыбку, теплые руки. – Чтобы ни ждало меня на пути, я пойду до конца».

И, вскинув голову, девушка решительно пересекла комнату, открыла ларец и взяла в руки заветный дневник.

«Или же все, что происходит с людьми и государствами, предопределено заранее, а потому история и не знает никакого сослагательного наклонения? – словно наяву донесся до нее размеренный бабушкин голос, и Саша улыбнулась. – Скорее всего, верно последнее, и нет нужды терзаться этими вопросами, ибо человек всего лишь предполагает, а Господь всегда располагает.

Мы не властны над такими страшными вещами, как революция или война. Но мы властны над собственной волей и выбором. Поэтому я часто спрашиваю себя: могли ли мы быть другими – более осторожными, более прозорливыми? И сама себе отвечаю – нет и еще раз нет! Мы с Люсей были в отчаянии, и мы были отчаянными.

А как же иначе, если весь мир рушится прямо на твоих глазах, гибнет стремительно и неотвратно, а главное – навсегда. Наш привычный мир разваливался, погибал в крови и страшных корчах, и тогда, в восемнадцатом, мне мнилось, что еще чуть-чуть – и стены домов начнут крошиться, а куски кирпича – отваливаться и улетать в пространство. Чудилось, что еще немного – и рассыплются в прах сфинксы на Университетской набережной, и расколется Александрийский столп, и высохнут невские воды, обнажив речное дно. А потом умер папа, и беспросветная тьма сомкнулась надо мной.

И тогда в мою жизнь явилась Люся. Она была еще более отчаянная, чем любой из всех, кого я в то время знала. До сих пор помню, как она молча сгребала в саквояж папины китайские находки, мешая в одну кучу древние артефакты и дешевые сувениры, распахивала по карманам пальто все, что имело хоть малейший шанс быть проданным, и как, чертыхаясь, зашвырнула в канал ключ от нашей петроградской квартиры.

Да, мы были отчаянными. И когда сошли на китайский берег в двадцать втором, мы уже ничего и никого не боялись. Мы так думали тогда. Мы же не знали, что Шанхай, как и Москва, не верит слезам, не слышит мольбы и не ценит клятвы. Именно оно, это страшное отчаяние, сделало нас такими, именно оно подтолкнуло нас рискнуть, как говорила Люся, в самый последний раз. И мы рискнули.

В тот вечер я ждала, когда вернется сестра, и в последний раз держала в ладонях терракотовых рыбок. Все, что осталось нам на память от папы. Они были теплые, такие приятные на ощупь, и с ними не хотелось расставаться. Даже за два билета в Сан-Франциско.

И тут на лестнице раздались торопливые шаги...»

Китайская республика, Шанхай, 1923 г.

Татьяна

На лестнице раздались торопливые шаги, потом дверь распахнулась, и... При виде сестры Татьяна ахнула, едва не уронив глиняных рыбок на пол.

– Боже мой! Что это на тебе?

Ответный взгляд Людмилы был более чем красноречив. Мол, а сама-то во что вырядилась? Что поделать, если перешить китайское ципао¹ на европейскую фигуру без примерки

¹ Или чеонгсам («длинное платье») – традиционное китайское платье, чья форма была осовременена в двадцатых годах двадцатого века в Шанхае.

нет никакой возможности? Однако шелковое узкое платье всяко лучше Люсиного наряда, состоящего из одних только блесток, перьев, лоскутков шелка и песцовых хвостов. Даже уличная девка постыдилась бы такое на себя нацепить, ей-богу. Губная помада по щекам и подбородку размазалась, тушь растеклась, волосы дыбом стоят. Какой стыд!

– Ты в таком виде по улице шла?! – успела воскликнуть девушка, прежде чем сестра решительно закрыла ей рот ладонью.

– Тихо, – сказала она, угрожающе вытаращив глаза. – Только не ори, Христа ради. Паспорта, деньги бери – и ходу. Понимаешь?

Сестрица обладала силой недюжинной. Из ее захвата так просто не вырвешься.

– Танечка, миленькая, поверь, все очень плохо, – пояснила она, перейдя на свистящий шепот. – Нам ноги надо уносить.

– П-почему?

– Сейчас нас придут убивать.

И Татьяна сразу поверила. Люсе надо верить, Люся чувствует опасность, как зверь лесной чует, где скрытно тлеет торфяник. Уж сколько раз это звериное чутье сберегало им жизни. Бессчетно!

– Все из-за статуэток? – догадалась Таня, чувствуя, как дрожат и слабеют ноги в коленях.

– Угу, – деловито кивнула Людмила. – Поторопись, душенька. Умоляю!

Больше всего Тане сейчас хотелось заломить руки и по-старушечьи запричитать, проклиная тот день и час, когда она поддалась на уговоры и согласилась продать папино наследство. Не по-людски это было, видит бог.

Но ничего такого Татьяна Орловская делать не стала. Напротив, четко и без истерики, тем паче упреков, поступила так, как просила сестра, – достала из-под матраса нансеновские² паспорта и тощую пачку ассигнаций. Люся тоже не сидела без дела. Она наскоро увязывала в скатерть все самое необходимое – несколько платьев, нижнее белье, мыло, свечи. Как будто их это спасет.

На все про все ушло самое большее минут пять. Сестры знали толк в побегах, когда нельзя терять ни секунды на всякие там сожаления или раздумья. Жив остается лишь тот, кто бежит быстрее и не оглядывается назад.

– Одну рыбку тебе, другую – мне. – Люся, не дожидаясь ответа, поделила единственную их драгоценность поровну, сунув свою часть в лифчик, а потом схватила Таню за руку и поволокла за собой.

– Да ты хоть по-человечески скажи, что случилось? – взмолилась та, вываливаясь следом во влажную шанхайскую ночь.

– Ушастый Ду с нами случился, – буркнула сестра. – Пронюхал о нашем договоре с Хе Юнжуном, скотина хитрая. Антиквару нашему, к слову, ребята из Зеленого Братства второй рот на шее сделали.

Плакать от ужаса Татьяна разучилась еще в восемнадцатом, сдержалась и сейчас. В конце концов, танцевальный холл, куда Люся устроилась работать дансинг-герл, принадлежал Ушастому Ду – правой руке главаря. Да что уж там говорить, он весь Шанхай в страхе держал. Ему первый встречный китаец тут же донесет про двух белых девиц: одну – в клоунских мехах, вторую – в черном ципао, да еще с драконами. Явно же ворованное.

– Живы будем, поставлю за Линьюй свечку, – продолжала Людмила, не сбавляя шага. – Шепнула мне словечко, предупредила.

² Нансеновский паспорт – документ, выдававшийся Лигой Наций беженцам из России.

К слову, по-китайски Люся болтала запросто, не заморачиваясь на всякую там грамматику. И сколько Таня ни пыталась научить ее разбираться в иероглифах, та только отмахивалась. «Нам в Сан-Франциско китайский этот и даром не нужен будет», – твердила она.

Ах Сан-Франциско! Их общая, нежно лелеемая, хрустальная мечта, их Авалон и Град Обетованный. Вся затея с продажей рыбок была лишь ради двух билетов через океан. А теперь что делать?

Татьяна сама не заметила, как задала этот вопрос вслух.

– Лодку украдем, переплывем на другую сторону, выберемся из города. – Люся так далеко в будущее не заглядывала, перечисляя только самые ближайшие и относительно достижимые цели.

– А потом?

– Поживем – увидим.

Люси

Лодка, лодка... Казалось бы, добыть в Шанхае лодку – плевое дело. Полгорода живет рекой, а другая половина живет за счет тех, кто промышляет на реке. И лодок здесь как китайцев – видимо-невидимо. Но добыть лодку посреди ночи, когда за тобой гонятся бойцы Ушастого Ду, значит, ее украсть, и только так. Все лодочники повязаны с Зеленым Братством, проклятые китайцы вообще друг за дружку горой, и уж если навалятся всей гурьбой, тут от двух белых девок не останется даже мокрого места. Уж в чем-чем, а в таких делах Люся толк знала. Китайцы хоть и мелкие, но лютые, черти. Даже стрелять не станут, просто палками забьют.

«Не девка, – вспомнила она матушкины слова. – Ты не девка, Люся, ты – барышня».

Но мамане батины выкрутасы голову заморочили. Воображала себя не пойми кем, из грязи в князи, как говорится. Люся на вещи смотрела трезво. Если ты кухарка, так кухаркой и будь, а рядиться в, прости господи, этуаль³ кафешантанную, да в маманином-то возрасте, да с ее-то габаритами... Смех и грех.

Девушка зло всхлипнула на бегу. Хорошо, что маменька не дожила. И вдвойне хорошо, что и Лизавету Степановну, Танюхину мамашу, тоже Бог прибрал раньше, чем все к чертям покатилося. Одна и радость, что обе они, отцова жена и любовница, не видят, как их дочки по Шанхаю улепетывают от своры узоглазых.

Люся покрепче сжала ладошку сестры и безошибочно, как лисица, ведомая чутьем, свернула в замызганный проулок между вонючими фанзами⁴. Сквозь густой, специфически шанхайский смрад – гниющие овощи, рыбы потроха, прогорклое масло, гарь и копоть, сладковатый опиумный душок, тяжелый дух от немытой и вроде как разлагающейся плоти – пробился запах илистой сырости. Река была совсем рядом, но попробуй добраться до нее, не заплутав навсегда в темном лабиринте среди мусорных куч, каких-то досок, тряпок и сетей.

Но инстинкт (а может, привычка, вьедшаяся в кровь и плоть, это непостижимое чутье, заставляющее то ускорять шаги, бежать на пределе сил, то, наоборот, замереть, вжавшись в осклизлую стену, и не дышать, это вот седьмое чувство привычного беглеца) не позволял ей ошибиться.

Нет, она не барышня, она – девка. Хитрая, изворотливая, прожженная. Девка, которой сам черт не брат. Только девка может вертеться в мутной воде шанхайского дна, как слепая и скользкая рыбина – в жирном иле. Только девка пройдет по самому краешку горячей крыши и паленой кошкой метнется в спасительную темноту. Там, где сгинет барышня,

³ Певичка, кокотка, дама полусвета.

⁴ **Фанза** – традиционный китайский дом.

у девки есть шанс выжить. Пусть один, но он есть. Так что придется снова и по-прежнему быть девкой, кухаркиной дочкой, изворотливой стервой, чтобы дожить до тех пор, пока...

А барышней пусть остается Танюха. Должна же хоть одна из дочерей профессора Орловского сохранить... Что? А черт его знает! Что-то. То, что было и в отце, и в женушке его. Что-то, что даже в шанхайской помойке светит ровным небесным светом, как лампадка в ночи...

– Танюш, ты как? – тревожно спросила она, заметив, как сестра в изнеможении прижалась к стене. – Потерпи, душенька, чутка осталось, тут до реки – рукой подать. Ты рта-то не открывай, носом дыши да кивай, забыла уже, что ли?

Таня через силу улыbnулась и кивнула. Нет, она не забыла. Не смогла забыть, как правильно убегать, как лучше прятаться, когда дышать, а когда не дышать.

«Однажды забудешь, – зло подумала Люся. – Забудешь, как убегать и прятаться. И вспомнишь, как жить без оглядки, как засыпать, не боясь не проснуться. Обещаю!»

Между домишками блеснула вода. Запах рыбы, ила и плесени перебил даже неистребимый смрад шанхайских мусорных куч. Плескались волны о причал, раскачивали утлые суденышки, что-то позвякивало и поскрипывало. Но это было запахами и звуками надежды и жизни. Добрались!

Татьяна

На первый взгляд казалось, что они все-таки оторвались от погони и можно уже остановиться и чуть-чуть перевести дух. Но так только казалось. Кто хоть раз спасался бегством, кому хотя бы единожды в затылок дышали убийцы, тот ни за что не забудет и не перепутает мерзкий зябкий холодок, без остановки стекающий за шиворот беззащитному беглецу. Этому жуткому ощущению надо верить сразу и безоговорочно. И бежать еще пуще.

Тогда, в девятнадцатом, в Томске, они с Люсей спаслись только потому, что не останавливались. По снегу, в одних чулках, без надежды на избавление, но без остановки. Впрочем, у Люси был пистолет, и она поклялась, что прежде чем пустит себе пулю в рот, застрелит сестру. Но тогда это все же была Россия, и две девушки имели реальный шанс затеряться среди множества других русских женщин. А тут, в Китае, они как белые вороны. Матерь Божья, спаси и сохрани!

С размаху швырнув узел с пожитками на дно лодки, Людмила крикнула:

– Не бойся, сампаны устойчивые. Не перевернется. Прыгай!

И правда, плоскодонка лишь несильно качнулась, когда сестры в нее скакнули. Но пришлось еще повозиться, чтобы оттолкнуться от причала. Всего какая-то пара-тройка минут ушла, но то были поистине золотые мгновения, решившие судьбу девушек.

– Быстрее, быстрее, – шептала Татьяна, пытаясь помочь Люсе управиться с длинными кормовыми веслами. Получалось так себе, сампан крутило в разные стороны, а потому берег отдалялся крайне медленно. Казалось, что лодка и вовсе не движется вперед. Над Хуанпу стелился туман, и девушкам надо было всего лишь успеть вплыть в мерцающее спасительное облако. А там уже как бог даст.

И тут Таня отчетливо услышала негромкий топот множества ног, обутой в легкие тапочки. Бойцы из Зеленой банды если и отстали от беглянок, то совсем ненамного. Они, словно муравьи, один за другим устремились к причалу.

– Ложись на дно, – приказала Люся и изо всех сил налегла на весла. Откуда только силы брались?

«А ты?» – хотела спросить Татьяна, но с берега раздался выстрел. Затем второй, а потом и третий.

– Вот ведь черти!

Люся быстро присела на дно и сжалась в комочек. Не от испуга, нет. Еще чего не хватало! Стреляли ведь не прицельно, а чтобы напугать. Убьют-то их потом, когда отберут статуэтки.

– Эй, ты рыбку свою не потеряла? – строго спросила она сестру.

Ну конечно! В такой момент ее волновала только сохранность драгоценных фигурок.

– Да какая разница?

– Большая! Не дури, проверь, как там рыбка.

– Свою проверь, – огрызнулась Таня, но требуемое исполнила. – Вот, рядом с нательным крестом повесила. Гляди!

Людмила, убедившись, что сампан плавно, но целенаправленно несет прямо в гущу тумана, тоже бойко сунула себе руку за пазуху, доставая свою половину отцовского наследства. В этот момент бандиты, уже попрыгавшие в другие лодки, снова принялись стрелять. Одна пуля выбила длинную щепку из борта, а та, в свою очередь, пребольно оцарапала руку Люси. Сестры хором вскрикнули, брызнула кровь, рыбки соединились и...

Люси

Рыбки соединились, шевельнув хвостами, словно внезапно ожили, накрепко сплелась, сцепляясь еще крепче, чем руки девушек, – нипочем не разомкнешь. Не оторвешь. Тяжелый горячий толчок, словно у того странного, непонятного, что только что было глиняными фигурками, вдруг забилося сердце. Люся не могла разжать руку, чтобы посмотреть, но каждым миллиметром кожи ощущала – оно живое. Оно горячее, круглое и живое, оно обжигает ладонь, оно бьется, словно настоящие рыбы, стиснутые неловкими руками...

– Только... не... выпускай! – задыхаясь, просипела она.

– Держись! – вскрикнула сестра.

И лишь теперь Люся заметила, как опасно раскачивается, стонет и кренится их сампан, внезапно заплывав на воде, еще мгновение назад бывшей спокойной. А из сцепленных ладоней рвется наружу свет, горячий и яркий, и там, где он встречается с водой и туманом, начинает твориться что-то невероятное.

Теплые золотые искры рассыпались бусинами по черному шелку, сплелись, заструились, будто невидимая игла засновала по невесомой ткани. Быстрее, еще быстрее. Узоры множились, усложнялись – то ли рыбы резвились в речной глубине, то ли золотые драконы или чудо-птицы, взлетев с подола Таниного ципао, закружились в танце, то приныкая к волнам, то взмывая вверх.

Девушки беззвучно кричали, словно вдруг напрочь лишились голоса. Тому, что творилось во влажной шанхайской ночи, не было имени... по крайней мере, в русском языке не нашлось бы слов, чтобы описать это. Может, китайцы сумели бы.

Оттуда, с берега и с лодок, едва слышно доносились изумленные и испуганные вопли преследователей. Значит, они тоже это видят? Значит, это не шутки сознания, помраченного бегством, не какие-то опиумные флюиды, долетевшие из ближайших курилен, не бред... Или все-таки?

Золотые бусы зазвенели, закручиваясь спиралью – все плотнее и плотнее, словно кто-то невидимый наматывал нить на веретено. Сампан кружился волчком, скрипел и трещал, девушки вцепились друг в друга что было сил, и тут сквозь мельтешение огненных бабочек Люсе почудился взгляд. Нечеловечески спокойный. Не равнодушный – нет, безмятежный, как улыбка каменного божка. Вечный покой, льющийся из-под полусомкнутых век, отрешенность существа, слишком совершенного для суетного и грязного человеческого мирка, полного крови и грязи, словно поганое ведро, – до краев... Она прищурилась, пытаясь различить это отрешенно-самодовольное существо, невидимую пряжу, которой и дела нет до двух

перепуганных мошек. Золотые глаза смотрели, отражаясь в воде, – равнодушные и выпуклые, как у рыбы.

– Да чтоб тебя! – крикнула Люся, словно плюнув живой человеческой злостью в этот рыбий взгляд.

Рядом скрипнула зубами сестра. Жить! Да, они хотели жить – они обе! И если уж сдохнуть, то не здесь, не сейчас, не так! Пройти столько дорог, замерзать, голодать, воровать, сгорать в тифозной горячке, пережить и резню, и бегство, и выстрелы в спину только для того, чтобы теперь утопнуть посреди поганой китайской речушки на глазах у паршивых китаез и их мерзкого божка или кто он там есть, этот рыбоглазый?

– Не дождешься!

– ...О Господень Великий Архангеле Михаиле! Демонов сокрушителю, запрети всем врагам, борющимся со мною, и сотвори их, яко овцы, и смири их злобные сердца, и сокруши их, яко прах перед лицом ветра...⁵ – едва слышно, но истово шептала Татьяна.

– И ты, Царица Небесная, уж защити нас, грешных... – всхлипнула Людмила, которая и «Отче наш» толком-то не помнила.

И чужой рыбий взгляд вдруг потух, словно равнодушное существо не отвернулось, но сморгнуло. А на смену ему пришло что-то иное, что-то чуть сердитое, слегка раздраженное, какое-то присутствие. И почему-то показалось, что рядом – женщина. Вот, оторванная этими мольбами и воплями от непонятных, но крайне важных дел, она отложила веретено и взглянула, прищурясь, то ли с небес, то ли из воды...

Люся мотнула головой, сквозь злые слезы пытаюсь различить... И взвизгнула, оглушая сестру и сама замирая от ее ответного крика.

Молния, ветвясь, выросла прямо из реки чудовищным сияющим древом, вплелась в пляску и звон золотых бус, в танец золотых драконов, в кудахтанье золоченых фениксов. И, заворачиваясь гигантской воронкой, подняла сампан вместе с охрипшими от крика девушками, подняла, закружила и с размаху бросила вниз, вверх, снова вниз, быстрее и быстрее, кленовым семечком во власти смерча...

И схлопнулась, закрылась, словно и не было никакой воронки, никакого смерча, никаких драконов и бус.

И никакого сампана на внезапно замершей, безмятежной Хуанпу.

А над головой Люси сомкнулась непроглядно-черная вода.

Но прежде чем оглушенное сознание померкло, девушке послышалось призрачное: «Подожду и увижу...» – как прощальное напутствие.

Люся развела руки, из последних сил делая гребок, дрыгнула ногами – и устремилась к воздуху и жизни.

Таня

После ослепительного сияния на Таню вдруг обрушилась абсолютная, крошечная тьма, словно тот неземной свет напрочь выжег глазные яблоки. В раскрытый рот хлынула речная вода, а шелк платья моментально облепил ноги и потянул на дно. Таня отчаянно задергалась, точно сама стала рыбой, забилась и принялась бешено грести руками. Кто знает, что ждало их с Люсей на поверхности, может быть, бандиты из Зеленой банды во главе с Ушастым Ду, но совсем молодым еще человеческим существам нестерпимо хотелось жить. Каждая частичка Таниного юного тела отчаянно противилась даже мысли о смерти. Жить! Дышать! Ну! Еще чуть-чуть! Легкие пылали, все тело скручивали спазмы, и до поверхности воды осталось совсем немного. Последнее усилие, последний рывок дались тяжело, зато...

⁵ Часть православной молитвы Михаилу Архангелу (защита от врагов).

Боже! Как же хорошо! Татьяна судорожно глотнула воздух, закашлялась и первым делом, не успев как следует осмотреться, заорала:

– Люся! Люсенька!

С ней ничего не должно случиться! Нет! Сестра умела плавать по-настоящему, тогда как Таня всего лишь кое-как научилась держаться на воде.

И точно в ответ на беззвучную мольбу Люся вынырнула совсем рядом – живая, невредимая и довольная.

– Гляди! Не потеряла! – хрипло каркнула она, демонстрируя мокрый кулак с намертво зажатой в нем рыбкой.

– Сестричка моя...

Какое же это было облегчение – снова увидеть ее милое лицо и сияющие глаза, а потом уже осознать до конца, что они снова выжили. Девушки, жалобно всхлипывая, крепко обнялись, не забыв по детской привычке потереться носами.

– Темень-то какая, – прошептала Людмила. – Мы ж, поди, на самой середине реки.

– А бандитов не слышно.

– Странно это.

Тишина, совершенно не свойственная Шанхаю ни днем, ни ночью, шатром раскинулась над черной, пахнущей тиной водой. Ни тебе плеска весел, не чирикающих голосов китайцев, ни тем более выстрелов.

– Они испугались этого светопреставления, а потом в тумане нас и потеряли, – предположила Татьяна.

Люся тоже внимательно прислушалась, а затем еще и отплыла чуть в сторонку, пытаясь высмотреть хоть что-то в непроглядной темени южной ночи. Все без толку. И вода какая-то подозрительно чистая.

– Ну что делать... За меня держись, и поплывем потихонечку к берегу.

Таня немедленно ухватилась за бретельку этого позорного платья.

– Ой, а что это у тебя?

– Ридикюль твой с документами, – хмыкнула Люся. – Рыбки и паспорта – сейчас самое важное. Их надо сберечь.

– Вот ведь! – потрясенно задыхнулась Татьяна, в очередной раз дивясь сестриной живучести и хватке. Впрочем, помня, через что им обоим пришлось пройти, чтобы получить нансеновский паспорт, ничего странного. Люся и в огонь бы за этой бумажкой нырнула.

– Тряпки все равно потонули, но это ничего... не страшно. Платья – дело наживное. Ну, поплыли? – И она засунула свою рыбку в рот, за щеку. – Помолши, жожалужта, ага?

Грести Людмиле пришлось совсем недолго, что опять же было удивительно. Вдруг обнаружился берег, густо заросший каким-то местным камышом. Обессиленные и дрожащие сестры буквально ползком вскарабкались на склон. Минуть десять они просто лежали в траве, приходя в себя. В этот момент им было уже все равно – есть рядом ребятки Ушастого Ду или нет. Лишь бы дух перевести.

Первой закономерно ожила Люся.

– Ш-тьфу! – Она выплюнула рыбку на ладонь. – И куда же это нас занесло, а? Хотела бы я знать.

«Когда происходит что-то экстраординарное, принято говорить: «Никогда в жизни не забуду». Потом, конечно, все забывается, теряет остроту и важность, тускнеет. Но я так и не сумела забыть ту, самую первую бессонную ночь, когда мы с Люсей жались друг к другу, дожидаясь рассвета. Мне до сих пор иногда снятся те предутренние сумерки и резкие голоса приближающихся к нам мужчин. Они идут прямо к нам, неумолимо сокращая расстояние

между нашим неведением и жуткой истиной. И тогда я просыпаюсь – в холодном поту, с колотящимся о ребра, обезумевшим от ужасного предчувствия сердцем».

(Из дневника Тьян Ню)

Глава 2

Ни спрятаться, ни скрыться

«Оставаться самим собой... Кажется, это так просто. Может быть. Особенно во времена благоденствия и мира так легко быть яркой индивидуальностью, всегда и везде оставаться собой. Но сколько же на земле слабых, испуганных и беззащитных, у которых нет иного выхода, кроме как склониться под гнетом несчастий и менять чужие личины как перчатки, чтобы уцелеть, чтобы устоять и выжить. Но я верю, что никто не осудил бы нас ни тогда, ни сейчас...»

(Из дневника Тьян Ню)

Тайвань, Тайбэй, 2012 г.

Саша

От чтения Александру отвлек легкий стук в дверь. Девушка начала было торопливо прятать заветную тетрадь под подушку, а потом, сообразив, что делает, расхохоталась: взрослая уже, а все туда же!

– Я вхожу, – раздался тихий голос матушки, а через мгновение и она сама легко шагнула в студию: величественная и, как и всегда, безмятежная.

Саша впервые за день пригляделась к ней и почувствовала, как теплеет на сердце, – время пощадило ее родительницу. Волосы мамы, темные и блестящие, были скручены в искусный узел на затылке, а светлое домашнее платье ладно сидело на фигуре, с возрастом не потерявшей своей стройности. Впрочем, кажущаяся мягкость в манерах и поведении была обманчивой – девушка прекрасно знала, что в этом тихом омуте тоже водятся черти. Вот и сейчас по лицу матери барышня Сян поняла – семейного допроса блудной дочери явно не избежать.

– Добро пожаловать домой. Ты вернулась так неожиданно, Джи-эр⁶, и мы все некоторым образом обеспокоены, – подтвердила ее опасения мама, не сводя с дочки настороженного взгляда. – Не случилось ли чего-нибудь... недостойного?

Девушка невольно бросила взгляд на шкатулку. Почему-то она никому – даже родителям! – не хотела рассказывать о ее содержимом. Саша удивилась, внезапно сообразив, как похожи испытываемые ею чувства на ревность: мое! никому не отдам! никому не покажу!

– Все непонятно, – честно ответила она маме, не желая ни врать, ни говорить правду. – Но я здорова.

Матушка поджала губы, но расспрашивать дальше не стала.

– Каждому разговору – свое время, – согласилась она, отступая – дочь знала это – только для того, чтобы потом вновь вернуться к этой весьма деликатной теме. – Спустишься ли ты к обеду?

Искушение отказаться и продолжить чтение бабушкиного дневника было велико, но девушка ему не поддалась. Она и так нарушила семейное спокойствие – явилась и обрушилась на головы своих родителей внезапно и без предупреждения, как грозовой летний ливень. Не стоило огорчать их еще больше.

Сян Александра Джи поднялась, бросила быстрый взгляд в зеркало – оттуда на нее смотрели глаза, в которых не было ни уверенности, ни покоя, – и последовала за матушкой.

⁶ Суффикс -эр образует «детский», уменьшительный вариант имени. В китайском языке фамилия ставится перед именем.

Ее ждало очередное испытание: за большой стол в доме своего детства она не садилась уже больше десяти лет.

«Вот так, – подумала она, спускаясь со второго этажа в столовую, – из Сан-Франциско – в Тайбэй. Из нового мира – в старый».

Тишина – вот что подавали сегодня за родительским столом. В напряженном молчании Сян Джи положила в рот кусочек жареного кальмара и, надеясь, что он не встанет у нее поперек горла, проглотила угощение.

Матушка, излучая спокойную уверенность, подвинула блюдо с фруктами. Как ей удалось сохранять невозмутимость, когда напряжение в обеденном зале было таким густым, что перехватывало дыхание, девушка не знала.

– Кхм, – наконец откашлялся отец.

Саша едва не поперхнулась от неожиданности – и сразу разозлилась на себя. Ей уже не пятнадцать лет, чтобы каждый раз дергаться при звуке отцовского голоса, ожидая наказания. Это раньше власть хозяина дома казалась ей необъятной, бесконечной, словно зеленые рисовые поля под солнцем, как гора Юйшань, окутанная грозowymi тучами. Теперь она выросла, сама – кирпичик за кирпичиком – выстроила свою жизнь так, как хотела: Сан-Франциско, балет... Ли. Девушка вдруг почувствовала, что ей хочется опустить глаза, – мысли о женихе вызвали внутренний протест и непонятные, мучительные сомнения.

Александра огляделась, пытаясь отвлечься. Взгляд невольно зацепился за все то новое, что появилось в доме за время ее отсутствия: цветастое покрывало на широком диване, низкий журнальный столик на толстых резных ножках, фарфоровую статуэтку улыбчивого божка. Незнакомые вещи, которые доказывали, что даже здесь, в Тайбэе, время не стояло на месте. Возможно, родители ее тоже смягчились – хотя бы немного, девушке было бы довольно и малости.

Наконец, после продолжительного молчания, отец положил свои палочки на маленькую полированную подставку и поджал губы.

– Рада видеть вас, папа, – выдавила Саша, выпрямившись.

– Зачем ты приехала, Сян Джи? – как и всегда, не желая использовать в разговоре русское имя дочери, нахмурился он. – Не ты ли говорила на похоронах твоей бабушки, что не собираешься больше возвращаться в Тайбэй?

«Горькие слова – лекарство, сладкие слова – отравы», – напомнила себе девушка и скривила губы в улыбке. Уезжая от родителей, она решила, что по-настоящему сумеет оставить Тайвань позади, только если откажется от прежней своей жизни со всеми ее правилами, условностями, поклонами и традициями. Новый мир требовал нового имени, и Сян Александра Джи превратилась в Сашу Сян – словно отсекла Восток от Запада, прошлое от будущего. Это была дань бабушке, русской по происхождению и воспитанию, и укор отцу с его вечным «ты должна».

Но теперь, вновь оказавшись в доме своего детства, Саша поняла – точнее, ее заставили понять, – что на самом деле ничего не изменилось и она по-прежнему балансирует на стыке двух миров.

– Теперь я предпочитаю, чтобы меня звали русским именем, – сообщила мисс Сян, не глядя на родителей. – И еще... У меня есть новости.

Девушка уже твердо решила, что про бабушкин ларец рассказывать им не будет. По крайней мере, пока сама во всем не разберется, не прочтает таинственное послание до конца. В конце концов, Тьян Ню только ей оставила свой дневник, верно? Но в этом случае, решительно подумала Саша, лишь одна весть способна заинтересовать ее семью.

Она набрала в легкие воздуха, собираясь с духом, и подняла руку. Кольцо Ли сверкнуло на пальце, будто насмехаясь над своей владелицей.

– О, – только и сказала матушка. – Джи-эр, девочка моя.

Девушка посмотрела на отца. Лицо его напоминало вырезанную из черного дерева маску – вокруг рта залегли глубокие складки, брови нахмурены, глаза прищурены.

– Ты не выйдешь замуж за американца, – наконец сказал он и отодвинул от себя тарелку так, будто перед ним стоял не рис со специями, а миска, полная червей. – Ты должна стать женой...

– Того, кого я выбрала, верно? – закипая, возмутилась девушка. – Его зовут Ли, и он...

– Того, кто тебе подходит! – сдержанно рявкнул хозяин дома. – Молодого человека из приличной семьи, а не выскочки, забывшего свои корни! Я запрещаю тебе вступать в брак с мужчиной, которого ты настолько не уважаешь, что даже не познакомила его с нами до свадебного сговора! Я не дам своего разрешения.

Александра отодвинула в сторону стул и резко поднялась.

– Мне оно и не нужно, – кошкой, которую погладили против шерсти, прошипела она. – Иногда я думаю, что у меня нет семьи, – не стало семьи после того, как умерла бабушка!

– Дочь! – с нотками недовольства в голосе укорила ее матушка.

– Я выйду замуж за Ли, и ваше одобрение не имеет для меня никакого значения! – чувствуя, как подступают к глазам слезы, заявила Саша. – Так и знайте.

– Ты станешь женой того, кого выберу я, или покинешь эту семью, – со своим извечным непримиримым упрямством процедил отец. – Моя уважаемая мать дала тебе много воли, и сейчас все мы расхлебываем последствия ее снисходительного к тебе отношения!

Саша едва не закричала зубами от ярости. Вот от этого, от такой судьбы и жизни, и сбежала она, едва ей минуло восемнадцать. Сбежала – но, видно, недостаточно далеко.

– Вы как будто не родители мне, – с трудом произнесла она, – а враги.

И, сказав это, внучка покойной Тьян Ню развернулась на каблуках и вылетела из комнаты, не обращая внимания на отцовский окрик. Пробежав по коридору, она распахнула входную дверь и выскочила на улицу, позабыв и о своей сумочке, оставленной в студии, и о дневнике. Ей хотелось только одного – снова уехать из Тайбэя и стать хозяйкой своим решениям и поступкам.

– Невыносимо, – прокричала она, даже сейчас не решаясь говорить о родителях без должного почтения, и быстрым шагом пошла в сторону городского центра – напрямик навстречу своей судьбе.

Поначалу она просто летела вперед, не разбирая дороги, но потом, отдышавшись, поняла, что, сама того не сознавая, пошла по направлению к храму Луншань. Когда Саша была еще ребенком, они с бабушкой часто гуляли там, любуясь узорчатыми скалящимися драконами на пагодах. Память, словно насмехаясь над своей хозяйкой, коварно подкидывала ей непрошенные воспоминания: вот здесь Тьян Ню купила ей томаты в карамели, нанизанные на тонкую палочку, а вот тут, у этой тумбы, они с ней сидели после того, как девочка, тогда еще совсем малышка, упала и ободрала коленку. В тот раз Тьян Ню, тихо улыбаясь, присела на корточки и сказала внучке очень нежно, переплетая русские слова с французскими:

– Сейчас подуем на ссадину – и все пройдет, да, ma petite soeur? Ну не плачь, не плачь, лисичка.

Александра сглотнула и совсем не удивилась, почувствовав, как потекли по щекам непрошенные слезы. Не глядя по сторонам и почти ни о чем не думая, она поспешила к перекрестку и вдруг резко остановилась. Небо над Тайбэем, обычно ярко-синее, пронзительное, внезапно потускнело и нахмурилось.

Девушка застыла на одном месте, а потом прижала ладонь ко рту. В Сан-Франциско она отвыкла от прихотливой тропической погоды, забыла, что в Тайбэе всегда надо быть настроже: солнечная безмятежность тут быстро и стремительно сменялась бурными, но недол-

гими ливнями. Вот и сейчас вдалеке мрачно зарокотало, листья на деревьях тревожно зашестели, трепеща под порывами ветра.

– О нет, – с изумлением и испугом выдохнула беглянка.

И тут пошел дождь. Хлынуло так, будто боги разом опрокинули на Тайбэй огромные кадки с водой. По мостовой заструились ручьи. С веселым звоном капли застучали по лужам, заколотили в стекла офисных зданий, запели, забормотали.

Саша растерянно заморгала. Еще минуту назад она выглядела вполне достойно, и вот в один миг летний ливень превратил ее в... в... пугало! Волосы прилипли к лицу, светлый костюм неприлично облепил тело, повис намокшей тряпкой.

Тихо взвизгнув, девушка прикрыла голову руками и огляделась. Вдоль дороги бесконечным рядом тянулись сверкающие стеклом офисы, но на другой стороне улицы Сян Джи углядела какое-то кафе. Призывно помигивая рекламной вывеской, оно обещало если не спасение, то хотя бы временную передышку.

Покачиваясь, потому что подошва босоножек вмиг стала скользкой, девушка побежала к спасительному укрытию. Пешеходный переход был пуст. Вытирая ладонями мокрое лицо, стряхивая с рук капли и шипя себе под нос, Саша шагнула на дорогу – и вдруг монотонное перешептывание дождя разорвал резкий скрежет, и что-то темное и, как показалось девушке, огромное стремительно рванулось сквозь дождевую пелену.

Она закричала. И в этот же момент тяжелый, сверкающий хромированными деталями, хищный байк вынырнул из ливневой хмари. С тонким, визжащим звуком колеса его проехали по мокрой мостовой, и железный зверь застыл в двух шагах от оторопевшей девушки, обдав несостоявшуюся жертву дорожного происшествия несколькими литрами грязной воды. Запахло паленой резиной.

Александра попятилась, пытаясь сохранить равновесие, поскользнулась и с тихим проклятием рухнула в лужу.

– Хей! – раздался откуда-то сверху насмешливый голос. – Где ты позабыла свои мозги, а, принцесса? Или жить надоело?

Онемев от ярости, негодования и острого желания убить незваного шутника с особой жестокостью, девушка подняла голову – и застыла.

Империя Цинь, 207 г. до н. э.

Люси

– Хулидзын⁷! Хулидзын!

– Что развизжались, поганцы! – сплюнув, Люся попыталась одновременно и сама увернуться от летящего комка глины, и сестру прикрыть. – У-у-у, быдло узкоглазое! Пшли прочь, хамы!

Она крутанулась на месте, как в танце, взмахнув песцовыми хвостами, и зашипела. Галдящие вокруг китайцы, над головами которых колыхался целый лес убийственных на вид орудий навроде вил, граблей и цепов, разом отшатнулись, залопотали, застрекотали. Люся с тоской огляделась. Они с сестрой стояли по щиколотку в жидкой грязи, мокрые и грязные с головы до пят, а вокруг бесновались аборигены. Проклятые китаезы окружили девушек таким плотным кольцом, что никакой лазейки для бегства не смогла бы отыскать даже настоящая лисица.

– Хулидзын!

Нападать местные пока не рисковали, боялись чего-то – может, в первый раз белых видят? – но закидать двух странных женщин камнями никакой суеверный страх им не мешает, верно? Ишь как стрекочут, подбадривают друг дружку... Злобно клацнув зубами

⁷ Хулидзын (ху дзин, хули дзин) – лиса-оборотень.

на самого наглого пейзажиста, сунувшегося к ним с каким-то коромыслом, Люся истерично фыркнула. Вот тебе и спаслись! Если первый же встречный с ходу материт по-своему: «Хули, хули!»

– Люсенька... – вдруг позвала сестра.

И голос у нее был такой странный, что Люся замерла, а потом уставилась на сестру вытаращенными от изумления глазами. В голове у девушки словно что-то щелкнуло, в ушах загудело, зазвенело... а потом сквозь шум, гам и звон прорвались те же самые вопли, вот только...

– Лиса! Лиса! – кричали вокруг, но Люся только головой трясла и все спрашивала сестру:

– Танюша? Ты... ты тоже их понимаешь?

Татьяна кивнула и сдавленно пробормотала:

– Да... теперь понимаю. Люсенька, да что же это? Ты только посмотри...

А посмотреть было на что. Сестры не так уж долго прожили в Шанхае, но среди тамошних обитателей Люся повертелась достаточно, чтобы догадаться – с этими крестьянами что-то сильно не так. Достаточно одного взгляда на домотканые одежды с запахом, пучки волос на макушках мужчин, соломенные лапти, чтобы понять – светопредставление забросило девушек очень-очень далеко от Китайской республики. Какие-то местные жители были слишком... хрестоматийные. Словно живьем сошли со страниц папенькиных альманахов и монографий. В тех альманахах Люся предпочитала рассматривать картинки, а в монографиях – вычитывать места про древние битвы, оружие, полководцев и «искусство спальных покоев», но даже ее крайне поверхностных знаний хватило для понимания: китайцы вокруг совсем древние.

– Либо нас так крепко приложило, что мы обе бредим... – вслух подумала Людмила, снова показав зубы типу с коромыслом. – Хотя даже в тифозном бараке у меня такого лютого бреда не было... Да что ж ты лезешь, нехристь, со своим бяньданом!⁸ Ща я тебе его знаешь куда засуну?!

Китаец, заверещав, отпрыгнул, и Люся продолжила:

– Либо мы с тобой, как бы это сказать...

– В прошлом, Люсенька, – неестественно спокойно констатировала сестра. – В очень, очень далеком прошлом...

– Я так думаю, удружил нас папенька с этими рыбками. – Люся скрючила пальцы как когти и выразительно помахала перед напиравшими крестьянами. Те опасливо отодвинулись. – А какой хоть век на дворе, Танюша? Ты на пейзаж повнимательней глянь, вдруг да узнаешь чего? Недаром все папенькины труды вызубрила.

– Судя по характерным прическам... – все тем же тоном начала Татьяна, выпрямившись строго, как классная дама, но сестра тут же ее перебила:

– А! Гляди! Кто-то важный пожаловал! Сейчас босоту отгонят, тут все и выясним. Ну хоть что-нибудь...

Сказала, но сама себе не поверила. Вид у приближавшихся незнакомцев, бесцеремонно пинавших кланявшихся и отползавших крестьян, был очень уж недружелюбный. Длинные одежды, доспехи, мечи, о господи, самые настоящие мечи, копья, какие-то боевые трезубцы, луки... Впереди на гнедом коне – мрачный тип в броне и с мечом, сразу видно – офицер, а насчет господ офицеров у Люси иллюзии развеялись задолго до октября семнадцатого года. Это Татьяне – дворянке и барышне благородные господа ручку целовали, щелкали каблуками и отодвигали стульчик, а кухаркину дочку норовили все больше за задницу ущипнуть да прижать где-нибудь за кустами сирени на даче в Териоки... А уж какие разговоры

⁸ Бяньдан – китайское боевое коромысло.

вели, иной гопник с Лиговки постыдился бы! Впрочем, пролетарии классово чуждым элементам по части шупанья баб тоже не уступали. И Танюша знает далеко не обо всех опасностях, которых сестры чудом избежали за время скитаний. Приходилось Люсе и кокетничать, и флиртовать, и задницей крутить, и подпаивать, и забалтывать... а одного матросика так и вовсе с поезда столкнуть, пока он, голубчик, братушек не позвал и они всей толпой не навалились...

С китайцами даже в каком-то смысле было проще. Пока ты еще не проститутка, есть шанс выкрутиться.

А вот что взбредет в головы древним китайцам...

«Мы – белые, значит, по их понятиям, – красавицы несказанные, а хулидзын поихнему – так и вовсе демоница... Может, и проскочим. Может, и повезет. Если уж мы колчаковской контрразведке мозги запудрить смогли, так и тут прорвемся же, да?» – убеждала себя Люся, но чутье ей упрямо твердило: на этот раз старые методы могут и не сработать. Разница менталитетов потому что.

Она постаралась выпрямиться так же гордо, как и сестра, и, сурово сдвинув брови, мрачно зыркнула вокруг.

Татьяна и Люся

Сидеть в открытой повозке, качающейся из стороны в сторону, было жутко неудобно, Татьяну подбрасывало на каждом ухабе. Но, по крайней мере, ее никто не трогал, а густая темная вуаль защищала от посторонних взглядов, как и широкополая шляпа – от солнца. А тем для раздумий девушке хватало.

Самое ужасное, собственно, не то, что они с сестрой оказались в прошлом, причем довольно далеко. Этот невероятный факт у Татьяны вообще в голове никаким образом не укладывался. Глаза вроде бы видят вокруг все эти мечи, доспехи, островерхие шлемы, пучки волос с воткнутыми шпильками на макушках у мужчин, уши слышат разговоры, которых китайцы двадцатого века вести никак не могут, а веры в реальность нет. Будто не с Татьяной Орловской все это безумие происходит, а она со стороны наблюдает, точно на сеансе в кинотеатре. Надо думать, это рассудок во имя собственной безопасности от мыслей о перемещении во времени постарался отгородиться. А вот то, что их с Люсей разлучили, действительно ужасно.

С самого начала было понятно, что офицер своей выгоды не упустит. За непроницаемостью его тяжелого взгляда Татьяна сразу угадала работу деловой мысли. Пусть для невежественных крестьян две необычные женщины в диковинных одеяниях – опасные демоницы, а для него они – весьма ценный трофей, который как можно скорее следует обратить в звонкую монету... Или что у них тут в ходу? А не выйдет продать, так хоть обменять или подарить кому-то высокопоставленному ради выгодной протекции. К тому же самый тупой солдафон быстро смекнет, что, если девица с хвостами до сих пор не обратилась в адскую зверюгу и всех на куски не порвала, следовательно, она лишилась своей силы, а потому можно и нужно ее быстрее ловить и в клетку сажать.

Китайцы, они – большие прагматики, что сейчас, что века назад. Так всегда говорил папа, только в его устах звучало уважение, а на деле хваленая китайская прагматичность оказалась в три раза хуже традиционного русского разгильдяйства. Папа, как сестры выяснили уже в Шанхае, очень любил приукрасить действительность. Экзотическая страна чудес и древностей оказалась на поверку весьма и весьма неудобным местом.

Впрочем, папенькины сказки и добрую службу Татьяне сослужили тоже. Едва девушка увидела мужчину в доспехах и верхом на лошади, к тому же во главе вооруженного отряда, она поняла, что говорить правду нельзя ни в коем случае. Никому! Никогда! Чем фантастич-

нее история их с Люсей появления, тем лучше. Дикари-язычники любят сказки. И никакого страха, никаких криков с истериками.

Посему Татьяна Орловская высокомерно вскинула подбородок и посмотрела на офицера так, словно ожидала визита как минимум главного императорского евнуха, но ее надежды были жестоко обмануты.

– Кто вы такая? – осторожно спросил воин, предусмотрительно выставив перед собой меч.

Таня, ни мгновения не раздумывая, сказала четко и ясно:

– Небесная дева, – а потом сделала плавный жест рукой в сторону Людмилы и молвила: – А это моя сестра – дева-лисица.

Офицер, глянув на Людмилу повнимательнее, сразу же попятился.

Злополучные хвосты, которыми неведомый кутюрье скупно обшил подол Люсиного платья, были такими грязными и заскорузлыми, что принадлежать могли только давным-давно издохшим песцам. Но они были белыми, и это обстоятельство не на шутку встревожило местных. Солдаты тревожно переглядывались, указывая пальцами на экстравагантный аксессуар танцевального наряда, из-за их спин то и дело выглядывали перепуганные крестьяне.

– Люся, запомни, мы – небесные девы, – прошептала Татьяна. – Ни слова о России, ни звука про двадцатый век. Поняла?

– Угу, – буркнула та.

Слава богу, Люсе не нужно повторять дважды. Она уже и сама смекнула, что, чем дольше продержит местных в неведении, тем больше шансов уцелеть. Девушки уже выдавали себя и за генеральских дочерей, и за, прости господи, комиссарш, им к перевоплощениям не привыкать.

– Следуйте за мной, небесные девы, – выдал представитель власти, а затем выкрикнул короткую команду своим подчиненным.

Девушек тут же взяли в кольцо и куда-то повели.

– Держи себя так, словно действительно только что с небес свалилась, – напомнила Таня сестре. – Но не переборщи.

Та для острастки зыркнула вокруг себя по-звериному злобно, чтобы не сомневались: небесные лисы – они не любят, когда их против шерсти гладят.

Их сопроводили в деревушку неподалеку, и недавние охотники на небесных дев вынуждены были таскать воду для стирки небесных нарядов и купания, делиться едой и «дарить» тележку, чтобы пришельцы ноги по дороге не били. Впрочем, от угощения «феи» категорически отказались.

– Мы пока не можем прикасаться к человеческой еде, – сказала Таня, церемонно отодвигая чашку с рисом и в очередной раз удивляясь, как так получается, что все вокруг понимают ее, а она – их. – Нам, привыкшим к небесному нектару, она может навредить.

И покачала головой совсем как привезенная отцом из Парижа игрушка – китайский болванчик.

– И то верно, – шепотом согласилась Люся. – Еще отравят или усыпят. Потерпим.

Но на рис посмотрела с некоторой тоской и сглотнула слюну.

Все здешние люди носили халаты с запахом, подвязывая их широкими кушаками, и лбов никто не брил. Напротив, у мужчин на макушке красовался узел из волос, либо завязанный платком, либо сколотый шпилькой. Таня покосилась на короткие и осветленные пергидролем локоны сестры. Ее собственная стрижка тоже должна была вызывать у аборигенов нездоровый интерес. Равно как и белая кожа, серые глаза и прочие расовые отличия уроженки далекого Севера. Что и говорить, мода двадцатого века сыграла с обеими девуш-

ками злую шутку. С такими приметам здесь ни спрятаться, ни скрыться. Даже в шелковых халатах.

Одних только чулок хватит, чтобы история о небесных девах сбереглась в памяти местных жителей еще по меньшей мере три века. Как увидели прислуживающие им женщины, что Таня перед купанием стягивает с ног грязные и мокрые фильдекосовые чулки, так заверещали и врассыпную бросились.

– Чего это они? – удивилась сначала Люся.

А потом глядь на причину страхов – точь-в-точь змеиный выползок валяется.

– Куда ни кинь, всюду клин. Как бы не прибили они нас, от греха подальше, а? Мало ли что в голову этим нехристям придет.

Так что помылись сестры без посторонних глаз. Еще неизвестно, чем покажутся суеверным женщина пояс для чулок или сорочка-комбинация. Заодно сговорились между собой, что рассказывать о житье-бытье небесных дев и лисиц.

– Ты, главное, упирай на то, что ты – лисица небесная, то бишь лиса, прожившая тысячу лет и допущенная на небо. Запомнила?

– Обижает, – улыбнулась Люся. – Мне папа те же сказки рассказывал. Я не только могу у мужчины украсть жизненные силы, но и знаю все на свете тайны, – и лихо так подмигнула, желая приободрить сестру.

– Всем говорим, что нас послал на землю Яшмовый Владыка и строго-настрого запретил говорить смертным, зачем это ему надо.

– Ха! Навру еще, что я не устерегла персики бессмертия в садах богини Западного Неба Си... как ее там, прости господи... Си-ва-мну. Вот!

Татьяна сдержанно фыркнула:

– Не «мну», а «нму»! Сиванму! Еще не хватало перепутать местных богинь.

– У китайцев полным-полно сказок про небесных дев, лис, белых обезьян и прочую нечисть, так что поверить должны. Не бойсь!

– Яшмовый Владыка все же авторитетней. Как-никак верховное божество у даосов, вершитель судеб на земле и на небе.

– Согласна. Против воли Яшмового Владыки они не попрут.

И новонареченная девой-лисой по имени Лю Си поклялась Богородицей неукоснительно придерживаться этой легенды, но после серьезно призадумалась:

– Но ведь по чьему-то же велению мы здесь оказались? Может, и в самом деле Яшмовый Владыка подсуетился?

Но рассказывать о том, что видела во время светопреставления, не стала. Вдруг помешалось с перепугу?

На том веселье и закончилось, собственно. Потому что при солдатах шутить было как-то совсем неуместно.

Отряд этот вез при себе какие-то ценности – то ли подати, то ли военные трофеи, а потому офицер Шао только и делал, что орал и ругался. Буквально из кожи вон лез, чтобы добро, нагруженное в повозки и прикрытое соломенными циновками, сберечь. Татьяна рассчитывала, что и их, небесных дев, безопасность была для него так же важна.

Однако она ошиблась. Нет, их не отравили и не усыпили, а разлучили – хитро и подло, как тут было заведено исстари. Рано утром, когда Таня еще дремала, офицер Шао елевым голосом попросил благородную госпожу небесную лисицу Лю Си выйти ненадолго из повозки, дескать, с ней хочет познакомиться глава города, который они как раз проезжали. И больше Татьяна сестру не видела.

– Вы пожалеете о своем самоуправстве, офицер Шао, – змеиным шепотом предупредила она и крепко сжала зубы, чтобы не разрыдаться от горя и ужаса.

Тот побледнел, но полный сдержанного гнева взгляд небесной девы худо-бедно выдержал. Видно, не из пугливых был. Остальные старались с Татьяной глазами не встречаться.

Ее везли в столицу ко двору императора, и это был явно не Пекин.

С восемнадцатого года, с первого дня бегства из Петрограда, они не разлучались больше чем на два дня. И то Татьяна все же пробилась в тифозный барак, чтобы ухаживать за мечущейся в бреду сестрой. А тут... В далеком прошлом, в огромной и совершенно чужой стране они с Люсей могут потеряться навсегда. Куда сестру увели? Что с ней сделали?

Оглушенная своей потерей, словно громом пораженная, Таня какое-то время ничего вокруг не видела и не слышала. Их родство, их общая кровь, их дружба были до сих пор как волшебство, как оберег, который защитит и отвратит дурные помыслы злых людей, направит на путь истинный и спасет.

И что же теперь? Почему-то в помощь императора Татьяне верилось с трудом. Будет ли самовластный владыка империи слушать женщину, хоть смертную, хоть небесную? Скорее всего, нет.

Бежать обратно в тот город? Так ведь поймают, и хорошо если снова отвезут в столицу, а могут ведь и сжечь. Или что они тут делают с чудными белокожими и светлоглазыми девицами?

И тут в жизнь Татьяны Орловской снова вмешались высшие силы, а может, и сам Яшмовый Владыка, кто знает? Он, видимо наевшись персиков бессмертия, выбросил косточки с облака долой, вниз, на землю. И одна из них попала кому-то прямо по шлему.

Лю Дзы, командир повстанцев

– Командир Лю! Командир Лю!

Голос у доблестного Фань Куая был поистине громоподобен, вполне под стать молодцу, который выпивал три кувшина вина, съедал четверть быка и поднимал на щите троих друзей, – и все это лишь для того, чтобы потешиться. И если бы Фань Куай решил вдруг докричаться до Западного Неба, то наверняка преуспел бы. Но в то утро от могучего воина соратники ожидали лишь одного подвига – «генерал» Фань должен был разбудить предводителя. И, если уж говорить по чести, докричаться до престола Яшмового Владыки выходило как-то проще.

– Лю Дзы! Да проснись же ты!

Командир Лю, сопевший на циновке у прогоревшего костра, дрыгнул ногой и невнятно буркнул что-то, что верный Фань решил пропустить мимо ушей. И пустой кувшин командир обнимал так крепко, а причмокивал так сладко, что всякому стало бы ясно – снятся ему, самое меньшее, небесные девы. Он, впрочем, и земных не гнушался. Вот третьего дня как раз...

– Брат Лю! – Фань не выдержал и, наклонившись, проорал в самое командирское ухо: – Врагов проспишь!

– А?

Чего у Лю Дзы было не отнять – просыпался он мгновенно. Как бы ни устал, сколько бы ни выпил накануне и какое бы количество женщин ночью ни грело его циновку. Вскочил – глаза трезвые, хоть и мутные спросонья, меч в руках, штаны... да, со штанами беда, развязаны. Но тесемки завязать недолго. Другое дело, что злоющий, как тигр с подпаленным хвостом, разве что не рычит.

– Нападение? Почему тревогу не объявил?

И зыркнул по сторонам что твой ястреб, а потом на верного Фаня грозно уставился.

Богатырь, возвышавшийся над командиром почти на чи⁹, потупился и шаркнул ногой, заодно подпихивая к брату Лю его брошенный с вечера сапог:

– Да нет, не нападение... Тут от старика Ге, – ну помнишь, лодочник? – мальчонка прибежал. Говорит, в Желтой реке циньцы выловили небесную деву!

Лю Дзы, небрежно скручивавший волосы в узел, чуть не подавился зажатой в зубах шпилькой.

– Кого они поймали?

– Небесную деву, – не моргнув глазом повторил Фань Куай. – Посланницу Небес, которая прибыла от престола Яшмового Владыки...

– У нее, знать, колесница сломалась, раз она с Небес плюхнулась в воду? – без капли почтения к благоговейному тону соратника хрюкнул Лю Дзы. – Интересно, не отбила ли эта дева свой небесный зад? Вот бы проверить, а, брат Фань?

– Брат Лю всегда так пренебрежительно отзывается о божественных знаках, – укоризненно заметил Цзи Синь – еще один товарищ Лю Дзы. Он подошел, деликатно оттер плечом смущенного Фаня и подал командиру второй сапог.

Лю благодарно хмыкнул, сел и принялся обуваться. Затягивая тесемки, он пожал плечами и глянул на побратима искоса, сдувая упавшую на глаза челку:

– Ну я же никогда не сопротивляюсь, когда ты говоришь, что все эти знаки надо использовать, брат Синь...

– Если ты желаешь когда-нибудь править всей Поднебесной, – Цзи Синь назидательно наставил на Лю свой веер, – то должен проявлять побольше почтительности! Слышал ли ты грохот небесных барабанов прошлой ночью? Видел ли пятицветные огни? А облака, принявшие форму драконов и фениксов?

Лю Дзы криво улыбнулся и кашлянул. Простой ночью ему точно было не до драконов и огней, хоть пятицветных, хоть каких. Но сообщать об этом Цзи Синю – верному последователю учителя Кун¹⁰ – означало нарваться на очередной сеанс нравоучений, до которых брат Синь был большой охотник.

– Позапрошлой, – вдруг уточнил Фань. – Не прошлой, уважаемый брат Синь, а позапрошлой ночью случились все эти небесные явления.

Лю шмыгнул носом и поскреб затылок. Позапрошлая ночь тоже не располагала к созерцанию пятицветных фениксов, или кто там порхал над Хуанхэ. Маленький отряд Лю Дзы аккуратно позапрошлой ночью пополнял запасы продовольствия самым простым и надежным способом – грабил склад в близлежащем городке, а потом уносил ноги, петляя по ущельям, чтобы сбить со следа солдат Цинь.

– Короче. – Лю встал, отряхнул штаны и улыбнулся. – Брат Синь, брат Фань... вы полагаете, нам эту небесную бабу – то есть небесную посланницу, конечно! – надо слегка пощупать?

– Когда ты уже станешь хоть немного серьезней! – Цзи Синь сердито ударил командира сложенным веером по плечу. – Разве не расслышал? Злодеи захватили посланницу Небес и силой везут ее во дворец кровавого тирана! Мы – герои, сражающиеся против Цинь, обязаны освободить небесную деву, защитить ее и... Нечего ухмыляться! Неужели сложно сообразить? Если слух о небесной дева – правда, заполучив ее, мы заручимся поддержкой самих Небес!

– А если дева не того... то есть... не дева... в смысле, не совсем... э... небесная? – осторожно уточнил Фань. – Что тогда?

⁹ Древнекитайская мера длины. В эпоху династии Цинь один чи равен двадцати двум сантиметрам и шести миллиметрам.

¹⁰ Кун-цзы – Конфуций.

– Тогда, – веско ответил Цзи Синь, – мы объявим всем, что помогли небесной посланнице вернуться на Небеса. Понятно?

– Что ж непонятного-то. – Лю Дзы проверил, хорошо ли ходит в ножнах меч, и подмигнул. – Так по какой дороге ее, говоришь, везут?

Конечно, нападать столь немногочисленным отрядом на вооруженных до зубов солдат Цинь, везущих в столицу награбленное – то есть конечно же налоги и подати, собранные с покоренного населения, – граничило с чистым безумием. Но у командира Лю был план. Несмотря на слухи, ходившие о его азарте и бесстрашии, если не сказать – безрассудстве, у командира Лю всегда имелся план. Ну или почти всегда. Хотя по большей части Лю Дзы полагался на удачу, действовал спонтанно, за что бывал нещадно руган, а иногда даже бит хитроумным стратегом Цзи Синем. Брат Синь, увы, был старше командира Лю ровно на полгода, и следование пути *учителя* не запрещало ему рукоприкладство в отношении младшего побратима, если тот, по мнению конфуцианца, вел себя недостойно высокого звания героя и лидера восстания. Лю не обижался. Цзи Синь был стратегом, а без стратега какое может быть восстание? Тем паче что по-настоящему важные решения никто из побратимов, ни брат Синь, ни брат Фань, даже не пытались оспорить. Как не спорил Цзи Синь, когда Лю Дзы, молодой, но многообещающий офицер, едва получивший назначение, пустил коню под хвост не только свою карьеру, но и судьбы друзей и родственников. Сопровождать рабочих на строительство гробницы Цинь Шихуанди – что может быть почетней? И что может быть омерзительней, если каждый в Поднебесной знал, что никто из строителей никогда не возвращается обратно живым?

Офицер Лю отпустил рабочих, просто взял и отпустил. Он спас этим три сотни жизней, почти потерял свою, зато приобрел вечную благодарность Цзи Синя и вечную преданность Фань Куая. И почти сотню молодцов, готовых пойти за командиром Лю хоть в огонь, хоть в Санъян, хоть на суд к Яньло-вану¹¹. Да, этой неполной сотни было маловато, чтобы повергнуть Цинь, но ведь лиха беда начало. Уезд Пэй, где резвились бойцы Лю, изобиловал ущельями, распадками, оврагами, речками и лесистыми склонами. Идеальное место для скрытной войны, когда после молниеносного нападения нужно обращаться в столь же быстрое бегство. За полгода их приключений отряд прирос мало, но лишь потому, что Лю Дзы категорически отказывал всем добровольцам, предпочитая принимать благодарность натурой. Рисом, например. Ну или просом. Или бататом хотя бы. Ладно, на худой конец и редька сгодится!

Хотя стоило бы ему свистнуть, и на зов Пэй-гуна¹², как без всяких шуток уже именовали Лю крестьяне, слетелась бы самое меньшее тысяча молодцов. Но там, где на горных тропках, по оврагам и кустам спрячется сотня, тысяче придется вставать в чистом поле и принимать бой, а это было покуда рановато. Зато во всем уезде не было ни городка, ни селения, ни рыбацкой хижины даже, где не ждали бы вести о том, что Пэй-гун набирает войско. Цзи Синь, которому порядком надоело спать в сырых пещерах и на голых камнях, уже не раз и не два говорил побратиму: «Пора начинать, Лю! Чего ты ждешь?!» Но Лю Дзы лишь отмахивался.

«Земледельцы должны собрать урожай, – отвечал он. – Люди должны накормить свои семьи. Как они уйдут воевать, если им придется оставить родню голодной и во власти алчных чиновников из Цинь?»

¹¹ Яньло-ван – в древнекитайской мифологии владыка подземного мира.

¹² Пэй-гун – правитель, или владыка уезда Пэй.

Он ждал знака и сейчас, лежа в засаде на крутом обрыве и поглядывая на дорогу, по которой должен был пойти циньский караван, думал: «Эта чудная история с небесной девой, может, знак и есть?»

«Первому взгляду доверять нельзя. Я всегда это знала и тайком гордилась тем, что избавилась от наивности и уже не верила каждому встречному, как когда-то в детстве. Люсенька говорила: мол, это настоящее счастье, когда у человека в жизни были такие времена – искренней веры в добродетель людскую, в божью справедливость, в милосердие. На словах я соглашалась, но в душе не верила. И очень даже зря. Потому что в тот день все сложилось самым причудливым образом, и я неожиданно для себя доверилась первому впечатлению...»

(Из дневника Тьян Ню)

Глава 3

Нити сплетаются

«Я много раз слышала о том, что судьбы тех, кому суждено встретиться, накрепко связаны алой нитью. И, как ни старайся, как ни противься судьбе, этих уз не порвать. И встречи, если она суждена, не избежать нипочем. Здесь в это верят. А я... я имела возможность убедиться».

(Из дневника Тьян Ню)

Тайвань, Тайбэй, 2012 г.

Саша и Ин Юнчен

Мисс Сян всегда считала себя девушкой рассудительной и не склонной действовать, руководствуясь одними лишь эмоциями. Даже ее отчаянный побег в Сан-Франциско они с бабушкой продумывали и обсуждали не одну неделю. Но, глядя в глаза своего то ли спасителя, то ли почти убийцы, она поняла, что совсем себя не знала: в душе ее таились прямо-таки нескончаемые запасы гнева.

– Эй, – снова повторил наглец и стянул с головы мотоциклетный шлем. – Ты там как, красotka, живая?

Скулы девушки свело от ярости.

– Ты! – задыхаясь от негодования и трясая головой в попытке откинуть с лица пряди мокрых волос, прохрипела она. – Ты!

– Я, – покладисто согласился незнакомец и неожиданно слез с байка.

Саша, не понимая, чего ему надо, по-крабьи скакнула в сторону. Но не тут-то было: грубиян в несколько шагов оказался рядом и плотно взял ее под локоток. Хватка у него была отнюдь не нежная: вырваться девушка не смогла бы, даже если б очень постаралась.

– Что... – пискнула она, но сопротивление было бесполезно: хамоватый мужлан явно контролировал ситуацию.

– Дурочка, – едва ли не ласково сказал он. – Мы ж прямо на дороге стоим. Или ты... того – всерьез желаешь покинуть этот прекраснейший из миров, детка? Я промахнулся, тебя не сбил, думаешь, другому больше повезет?

Александра в полном ошеломлении глянула на не пойми откуда взявшегося нахала. Он, явно веселясь, сверкнул в ответ возмутительно белыми зубами. Казалось, ливень совсем не мешает ему – довольно щурясь, парень словно специально подставлял под упругие дождевые струи свое улыбающееся лицо и выглядел при этом так, будто всего минуту назад сошел с обложки дорогого журнала для мужчин.

«Убила бы, – рыбкой затрепыхалась в ее сознании огненная мысль. – Голыми руками!» Видимо, что-то такое отразилось у нее на лице, потому что незнакомец заухмылялся еще гнуснее. Был он высоким, ладным, широкоплечим, и это отчего-то разозлило девушку едва ли не больше, чем его хамское поведение.

«Мне, – напомнила себе внучка Тьян Ню, – такие не нравятся. Характер мерзкий и вообще... ни стиля, ни породы. Ну точь-в-точь Хосин¹³! Бык! Животное!»

– Слушай, малышка, – оттащив ее на мостовую, заявило между тем «животное», – не упирайся, а? Я тебя тут спасаю с такой силой, что сам удивляюсь, а ты артачишься!

– Я тебе не малышка! – в отчаянии зарычала мисс Сян и неожиданно для самой себя весьма неженственно лязгнула зубами от холода – в промокшей одежде даже теплый ветер

¹³ Божество огня, которое изображали в облике свирепого краснокожего существа с шестью руками.

пронизывал до костей. – И не детка! И не принцесса! Спасает он меня, как же! Да ты меня едва не пришиб, идиот!

– О, – с некоторым даже удивлением протянул парень, – гляди-ка! Характер прорезался. Я-то уж думал, что ты совсем примороженная, ну чисто ледышка.

И с этим словами он шустро стянул с плеч большую черную куртку с яркими аппликациями в виде огненных демонов. Саша приоткрыла рот от удивления – стриптиз посреди городской дороги представлялся ей делом глупым, если не бессмысленным, – но сказать ничего не успела.

– Вот, – неожиданно мирно предложил ей нахал, оставшись в темной майке. – Накинь. Раз уж я сегодня благородным решил побыть, надо ж как следует все сделать, верно?

Девушка хотела было снова возмутиться и вообще отправить незнакомца куда подальше, но разум победил гордость: куртка ей сейчас очень бы не помешала. Нацепив тяжелую, неожиданно уютную кожанку, она обняла себя руками в попытке хоть немного согреться.

– Ну вот и хорошо, – кивнул парень и неожиданно потрепал ее по голове, словно кошку. – Славная малышка.

«Малышка» глянула на него широко распахнутыми глазами – сил на возмущение у нее уже просто не осталось. За несколько минут незнакомец умудрился столько раз удивить и разозлить ее, что она неожиданно для самой себя растерялась. С Ли ей никогда не приходилось так переживать и беспокоиться – он был предсказуемым, очень сдержанным и невозмутимым. Когда девушка думала о своем женихе, ей представлялась ровная, привычная дорога: по такой идешь, не глядя под ноги и легко перепрыгивая через давно знакомые камешки и рытвины.

Этот же нахальный зубоскал...

– Слушай, – совсем позабыв про манеры, вежливость и осторожность, заявила она, – мы с тобой не знакомы, верно?

Парень покосился на нее.

– Вроде как да, – согласился он голосом, в котором звенела улыбка.

– И раньше не встречались?

Теперь уже все его лицо расплылось в широкой и лукавой ухмылке. Саша едва сдержалась, чтобы не усмехнуться в ответ: беспечность наглеца оказалась заразной. Дождь внезапно притих, присмирел, а из-за туч, жмурясь, робко выглянуло солнце.

– Ты чего это, – лучась озорством, осведомился нахал, – кадришь меня, что ли, красотка?

Девушка приложила ладонь ко лбу. Отчего-то она совсем не чувствовала стеснения или неловкости, разговаривая с ним. Даже мокрая до нитки одежда перестала казаться таким уж бедствием – ну с кем не бывает? А испорченное разговором с родителями настроение, вопреки всем законам логики, стало стремительно подниматься.

– Я? – переспросила Александра, с каждым мгновением чувствуя себя все лучше. – Тебя?

И, откинув голову, внучка Тьян Ню захихикала самым непозволительным образом. С волос ее капала вода, кожу зябко сбрызнуло мурашками, но, несмотря на это, девушка никак не могла удержаться от веселья. О, кто бы мог подумать какую-то пару часов назад, что она, дочь почтенных родителей, заведет подобный разговор с совершенно незнакомым – и явно неблагонадежным! – мужчиной! Поистине судьба выбирает для простых смертных извилистые дороги!

– Как же! – фыркая, наконец ответила она. – Просто хотелось мне узнать, о могучий герой, со всеми ли спасенными девами ты разговариваешь... позволь подобрать правильное слово... так развязно? навязчиво? бесцеремонно?

– Непринужденно, – легко подхватывая ее шутку, отозвался парень. – Я предпочитаю называть это так.

– Самообман – вещь в хозяйстве полезная, – в тон ему сообщила Саша, и они вдруг улыбнулись друг другу так, как улыбаются невольные сообщники, – весело и с пониманием.

«Боги, – ахнула девушка про себя, – что же это? Неужели я с ним флиртую?» Додумав эту крамольную мысль она не успела – незнакомец вдруг отошел в сторону, к своему байку. Железный монстр – а по-другому назвать сверкающую огромную машину у девушки не поворачивался язык – вздрогнул, зарычал, подчиняясь своему хозяину. Парень, не сводя с Саши глаз, мотнул головой: садись, мол.

Она вопросительно приподняла бровь.

– Подброшу, куда скажешь, – пояснил нахал. – В таком виде по городу неловко будет. Это для начала. А потом... потом, пожалуй, стребую с тебя награду.

Девушка, двинувшаяся было к нему, замерла.

Вокруг них потихоньку начал отряхиваться от дождя город. Дрожали, поблескивая в зеркалах луж, силуэты офисных зданий. Небо, теперь пронзительно-синее, расстиралось над Тайбэем и отражалось в темных глазах незнакомца.

– Свидание, – так и лучась самодовольством, заявил он. – Лады?

До дома семейства Сян они домчались так быстро, что девушка даже не успела в полной мере насладиться поездкой. А насладиться было чем – улицы и переулки Тайбэя летели им навстречу, звенели шумливым говором, выкриками рыночных торговцев, гудками машин и людским разноголосьем.

Еще в самом начале их путешествия незнакомец, коротко представившийся Ин Юнчен, сказал, чтоб она «схватила за него покрепче и не отпускала». Правда, при этом он улыбался так многозначительно, что Саша заподозрила в совете скрытый умысел. Впрочем, перечить девушка не стала и скоро поняла, что поступила правильно: ее «спаситель» так лихо водил свой байк, что первые минуты три она только и делала, что, тихонько повизгивая, прощалась с жизнью.

Зато потом... Мисс Сян никогда прежде не ездила на мотоцикле – автомобили всегда представлялись ей куда более комфортным средством передвижения – и сейчас отчаянно об этом жалела. Чем-то стремительная поездка, от которой захватывало дух, а сердце ликующе подпрыгивало в груди, напоминала ей танец. Ревущий байк замирал на поворотах, и напрягались, пытаясь поймать момент и удержать равновесие, мышцы мужчины, управлявшего им. Мир стремительно неся вперед – движение, железо, сила, – и девушка едва сдерживалась, чтобы не завопить от восторга.

Когда Ин Юнчен остановился перед воротами ее дома, Саша чувствовала себя ни мало ни много настоящей небесной девой, спустившейся на землю по лестнице, сотканной из ветра и гроз.

– Вот это да! – только и сумела вымолвить она, едва затихло рычание мотоциклетного мотора.

Ее спутник промолчал и повертел головой, рассматривая высокий кованный забор, аккуратно подстриженный газон и усыпанные белым щебнем дорожки. Девушка, словно очнувшись, пошевелилась и убрала руки с его талии. Она знала: ей должно быть стыдно, ведь где-то в Сан-Франциско ее ждал Ли. Но чувство вины все не приходило, даже напротив – отчего-то Александра была уверена, что в кои-то веки ни в чем не ошиблась, сделала все так, как следовало.

– Что, замечталась, хм, детка? – вдруг спросил ее Ин Юнчен, стянув с головы шлем.

Девушка посмотрела на его плечи, на поблескивающую на шее цепочку и ответила, ни на секунду не задумавшись:

– Я терпеть не могу осьминогов.

Ее спутник обернулся, и по озадаченному выражению его лица Саша поняла, что все-таки сумела заставить несносного насмешника врасплах. Перекинув одну ногу через сиденье, она спрыгнула с байка и встала вполоборота к парню.

– Поэтому на свидании, – сообщила Саша, – осьминогов мы есть не будем. Таково мое условие, главное и единственное.

Он сначала заулыбался, просто и открыто, а потом беззвучно захохотал и, потянувшись вперед, отвел с ее лица пряди высохших за время их совместной поездки волос. Александра глянула на Ин Юнчена чуть исподлобья, впервые улучив момент для того, чтобы рассмотреть его повнимательнее. Верно показалось ей с самого начала – в нем не было ни капли того нервного, томного изящества, что отличало многих богатых сынков из ее окружения. Он будто искрился жизнелюбием, смехом и размашистой, легкой силой.

Мгновение, что они смотрели друг на друга, показалось ей непростительно коротким – и восхитительно длинным. А потом мисс Сян, обычно не отличавшаяся излишней скромностью, вдруг вспыхнула и опустила глаза.

– Никаких осьминогов, клянусь, – отозвался в этот же момент Ин Юнчен и внезапно совсем другим тоном спросил: – Кто это там, у входа в дом?

Девушка, у которой все никак не получалось утихомирить бешено бьющееся сердце, повернулась – и от неожиданности отшатнулась, отступила назад, к мотоциклу.

По дорожке, ведущей от дома к воротам, неся ее отец, и было ясно, что господин Сян пребывает в состоянии истинного бешенства. Никогда прежде Сян Джи не видела своего родителя таким – в обычные дни он прилагал все силы, чтобы не потерять лица. Но появление младшей дочери, больше напоминающей уличную бродяжку, в компании какого-то наглеца, видимо, стало той самой каплей, что переполнила чашу его терпения.

Девушка торопливо схватила за плечо Ин Юнчена.

– Тебе сейчас лучше уйти, – шепотом просвистела она. – Как говорила моя бабушка, мужчины нашего рода долго запрягают, но уж едут – быстрее некуда. А папа, похоже, как раз разгоняется.

– Что с того, – начал было возражать парень, – от меня не убудет поздороваться.

Саша замотала головой. Она сомневалась, что отец рискнет ввязаться в драку, но боялась, что он как-нибудь... унизит Ин Юнчена. Родитель ее не терпел того, что называл «неподходящими знакомствами» и частенько напоминал своей дочери о происхождении и статусе. «Орел воробью не товарищ», – вот что слышала она из его уст каждый раз, когда пыталась познакомить очередного своего ухажера с семьей.

– Потом, – поторопила его Александра. – Ты же не из тех, кто думает только о том, как идти вперед, но не глядит, как отступать назад? Лучше позвони мне вечером, а здесь я сама разберусь!

И, не дожидаясь ответа, она побежала вперед – отца следовало остановить, удержать и, если возможно, успокоить. Через несколько долгих мгновений за спиной ее взревел мотор, закрипел под колесами байка щебень, и девушка с облегчением выдохнула.

Когда господин Сян схватил ее за запястье, потащил к дому, а потом весьма неласково втолкнул в общий зал, она даже не разозлилась. Ни материнский взгляд, полный разочарования и упрёка, ни гневное молчание отца не способны были испортить ей настроения. Стоя перед родителями в забрызганной грязью одежде, с разметавшимися по плечам волосами, девушка едва сдерживала улыбку. Сами они могли жить по своим правилам и законам, но заставить ее склониться перед их волей – нет. Не в тот день, когда мужчина со скверным характером и глазами воина из древних легенд подарил ей крылья.

Она не перестала улыбаться даже в тот момент, когда захлопнулась за ее спиной дверь в студию. До того, чтобы запереть дочь в комнате, отец не дошел, но запрет выходить из дома

все-таки наложил. Ей было все равно. Сияя, она подбежала к комоду, постояла с минуту, размышляя, а потом решительно стянула с пальца кольцо, будто сбросила с плеч тяжелую и неподъемную ношу.

Улыбка покинула ее лицо лишь в тот момент, когда Саша, сняв тяжелую кожаную куртку, сообразила, что они с Ин Юнченом так и не успели обменяться телефонными номерами.

Империя Цинь, 207 г. до н. э.

Татьяна Орловская и Лю Дзы

То, что на обоз нападут, Таня почувствовала за несколько минут до того, как это случилось. Воздух вокруг словно бы сгустился до плотности сахарного сиропа, потом по нему пробежала мелкая рябь, как по воде от брошенного «блинчиком» камушка, затем еще раз и еще. Каждая волосинка на ее теле встала дыбом, отзываясь на приступ такого знакомого панического ужаса перед неизбежным кровопролитием и насилием.

А потом воздух вокруг запел голосом множества стрел, из зарослей на дорогу, вопя и улюлюкая, выскочили какие-то оборванцы. Завязалась рукопашная, пролилась первая кровь. Но вовсе не она испугала Татьяну до немоты и болезненных спазмов в горле. Все нападающие, как один, носили на головах красные повязки, а у всадника на вороном коне, что выехал наперерез офицеру Шао, развевался за спиной большой красный флаг.

«Комиссары! И здесь они, эти ироды!» – мысленно взывала Таня и незамедлительно, почти что кубарем, скатилась вниз, под повозку.

В Шанхае все знали – Гомиьдан¹⁴ якшается с Советами, но русские обитатели авеню Жоффра надеялись, что уж Китай-то чаша сия как-нибудь минует. Видимо, зря надеялись. И сюда влезли краснопузые со своими знаменами!

Татьяну душили слезы, и она в отчаянии пару раз стукнула кулаком по ободу колеса. Боль очень вовремя отрезвила. Девушка будто очнулась от кошмарного сна.

Стрелы, копья, мечи и щиты Таню, как это ни странно, успокоили. Были бы здесь Советы, красноповязочники держали бы в руках винтовки и револьверы.

«Значит, все-таки прошлое! Слава тебе, Господи!» – ликовала Татьяна.

Конечно, грабители во все времена одинаковы, но в далеком прошлом никто еще до классового сознания не додумался. И то хлеб!

Самое главное в успешной засаде – неожиданность и внезапность, из чего плавно вытекает устрашение и потеря противником боевого духа. Поэтому горящие стрелы в таком деле очень кстати. Но тут важно не перестараться, потому что, во-первых, командир Лю не любил лишнего кровопролития, а во-вторых, целью нападения был все-таки грабеж, а не смертоубийство. Трофеи предполагалось захватить, а не сжечь.

Поэтому стрелы свистели густо и плотно, но избирательно, а мечи и копья разили лишь до тех пор, пока не скрылся из виду шустро улепетывавший циньский офицер, благоразумно бросивший своих солдат на растерзание мятежникам.

– Мятежник Лю! – вопили циньцы. – Мятежник Лю!

– Ну, раз признали... – пропыхтел Лю Дзы, выбивая копьё у одного из охранников. – Так зачем продолжать? Эй, вы! Бросайте оружие, и я оставлю вам жизнь!

Как не преминул заметить мудрый Цзи Синь, «кто полон милосердия, тот непременно обладает мужеством»¹⁵. Противники Лю всех высказываний учителя Кун могли и не знать,

¹⁴ Правящая партия китайских националистов.

¹⁵ Слова Конфуция.

зато про «мятежника Лю», известного как Пэй-гун, они были наслышаны. Солдаты переглянулись и один за другим побросали мечи.

– Так-то лучше, – буркнул командир и огляделся, быстро оценивая результаты нападения.

Обоз был целехонек. Вот что значит хорошо натаскать своих людей! Ни одна горящая стрела не попала в бесценные тюки с рисом, ни один рулон шелка не пострадал. И даже экипаж небесной девы... Лю замер, нахмурился и обошел вокруг пустой повозки. Так-так-так, а где же упомянутая дева? Сбежала под шумок?

– Эй! – Он дернул за рукав первого попавшегося солдата Цинь, товарищей которого бойцы сейчас деловито связывали попарно. – Ну-ка признавайся, была тут небесная дева или мне баек наплели про нее?

– Так вы за небесной девой! – непонятно чему обрадовался пленник и быстро-быстро закивал: – Да, уважаемый Пэй-гун, была дева, посланница Яшмового Владыки с самих Небес...

– Была, говоришь? И куда делась? На Небеса вознеслась?

– Так она, когда вы, благородный предводитель Лю, изволили напасть... то есть преградить наш путь...

– Короче!

– Под повозкой она! – отрапортовал солдат. – Как мятеж... э... ваши доблестные воины стрелять начали, так дева поспешила под повозку спрятаться!

– Молодец. – Лю Дзы похлопал словоохотливого солдата по плечу и подтолкнул болтуна к остальным. – Иди к товарищам. Эй, кто из вас ранен? – крикнул он, обращаясь к пленникам. – Незачем истекать кровью! Мы окажем вам помощь прежде, чем оставим здесь. Брат Синь, проследи!

– Опять он за свое! – проворчал Фань Куай, с досадой стукнув о землю копьем. – Ему дай волю, он бы этих олухов еще и вином обнес! И рисовых шариков навертел собственноручно!

– Из всех преступлений самое тяжкое – бессердечие¹⁶, – назидательно заметил Цзи Синь и потянул побратима за собой. – Идем!

Сначала Татьяна увидела красивые кожаные сапоги с широкими голенищами и загнутыми вверх носками. Правда, они сильно запылились, а на одном была почти начисто оторвана подметка, но красоту орнамента, вытесненного на коже, это ничуть не портило. Оставалось только выяснить, какие же намерения имелись у мятежника Лю – хозяина шикарной обуви.

– Уважаемая небесная дева, – осторожно постучав по повозке, вкрадчиво позвал Лю. – Не соблаговолите ли покинуть свое укрытие?

Небесная дева, отринув всякое изящество, стремительно заползла под повозку еще глубже. На всякий случай.

В любое иное время Лю Дзы, без сомнения, оценил бы и благоразумие, и прыть неведомой госпожи, но сейчас задерживаться на дороге не следовало, а потому пришлось отбросить и уговоры, и вежливость. Он вздохнул, внутренне готовый к визгу, воплям и сопротивлению:

– Уважаемая небесная дева, не вынуждайте меня...

Присев, Лю заглянул под экипаж и там, в полумраке, практически нос к носу столкнулся с прячущейся женщиной. И чуть не отпрыгнул от неожиданности, когда ему навстречу блеснули сквозь густую вуаль нелюдские светлые глаза. Тут бы испугаться, но женщин, будь они земные или небесные, командир Лю совсем не боялся. А уж когда у гости с Небес

¹⁶ Слова Конфуция.

и фигура вполне себе под стать блаженным садам Западного Неба... Выдающиеся... э... холмы и изгибы, да.

– Ого! – поневоле вырвалось у Лю восхищенное восклицание. Но он тут же сам себя одернул. Сейчас не до шуточек. Да и не до церемоний, к которым дева, видать, привыкла.

– Уважаемая госпожа, здесь опасно оставаться. Я возьму вас за руку и помогу выбраться. – Ухватив девушку за запястье, он вежливо, но настойчиво потянул ее наружу.

Отбиваться или каким-то образом сопротивляться упорству незнакомца у Татьяны сил уже совсем не осталось. Кроме того, милосердие, проявленное им только что по отношению к пленникам, ее не только поразило до глубины души, но и приободрило. Может быть, он и ее пощадит? Жаль только, скотина Шао успел удрать. Бог с ним, но он унес с собой Танину рыбку.

И точно, едва «благородный предводитель» извлек небесную деву из-под повозки, как сразу же отпустил и даже грязь с подола платья отряхнул. Затем как-то нарочито почтительно поклонился, выставив перед собой руки и положив одну ладонь поверх другой. Явно ведь дурачился, но вышло на редкость элегантно. Люся, та все время твердила, что пластика движений у азиатов изумительная.

– Уважаемая небесная госпожа! – молвил мятежник, прицельно кося ясным карим оком на «холмы и изгибы». – Я, Лю, командир этого отряда, услышал от верных людей, что солдаты Цинь творят святотатство, захватив небесную посланницу. Но позвольте ли убедиться – в самом ли деле вы с Небес?

И быстро, пока небесная посланница не успела опомниться и пока у самого хватало смелости, сдернул с нее вуаль.

– Ох! – Лю даже отступил на шаг, внезапно заулыбавшись так светло и радостно, словно был ребенком, получившим неожиданный, но чудесный подарок.

Дева и впрямь выглядела так, словно только что сошла с Неба. Кожа блее самых чистых облаков, огромные глаза цвета грозových туч, легкие пряди светлых волос... Да, такой женщине впору прогуливаться в вечноцветущих садах Яшмового Владыки, а не торчать посреди пыльной дороги в забытом богами уезде Пэй, среди грязи, трупов и сломанных мечей!

Из восхищенного оцепенения Лю Дзы вывел братец Синь, подоспевший со своим неизменным веером очень кстати. Вот уж кто тут же совершил все положенные поклоны, ничуть не заботясь о чистоте своих светлых одежд!

– Вот! – торжествующе заявил Цзи Синь. – Что я тебе говорил, брат Лю? Это небесная дева! Прояви почтительность, олух! – и уже замахнулся, чтобы привычно треснуть Лю по плечу веером, но тот ловко увернулся, отпихнул побратима и, отчасти чтобы побороть смущение, гаркнул на глазающих солдат:

– Эй, нечего паялиться! Совсем забыли почтительность, бездельники?

И бойцы Лю, и солдаты Цинь послушно отвернулись и преувеличенно бодро продолжали заниматься каждый своим делом: одни – обезоруживать и связывать, другие – разоружаться и подставлять руки для связывания. Дело двигалось споро, но Лю все равно прикрикнул:

– Ну-ка шевелитесь!

Еще не хватало, чтобы люди отвлекались на всякие... небесные явления, даже если они, явления эти, такие впечатляющие.

– Госпожа, тебе лучше поехать с нами. Поверь, даже если ты с Небес, при дворе императора Цинь тебе делать нечего, – заявил он деве и скомандовал: – Эй, приведите моего коня! Ты согласна, госпожа? – Лю вспомнил, что для приличия надо бы поинтересоваться мнением девы, с Небес же она все-таки, не обычная женщина. И протянул ей руку.

Что оставалось делать? Татьяна осторожно вложила пальцы в широкую ладонь командира Лю, получив взамен потрясающе обаятельную улыбку. Она боялась даже надеяться, что судьба наконец-то повернулась к ней пусть не лицом, так хоть вполоборота.

– Сразу видно небесную женщину! – Довольный Лю посадил ее на коня и сам вспрыгнул сзади. – Не кричит и не спорит, а просто делает, что нужно! Такие водятся лишь на Небесах!

Обернувшись к солдатам Цинь, понуро сидящим прямо на дороге, он помахал им на прощанье и крикнул:

– Хэй! Передайте этому жирному борову Чжао Гао, чтобы не разевал пасть на посланницу Небес! В уезде Пэй есть те, кто ее защитит! Н-но! Вперед! – и ударил пятками коня, пускаясь вскачь.

Теплая талия небесной девы словно была создана специально для того, чтобы возложить на нее руку, и Лю не стал чиниться, возложил, а то вдруг чудесная госпожа с коня свалится? К чему гневить Небеса, верно?

И отчего-то Татьяна сразу поверила этому лихому мятежнику. Что такое мятеж, она знала не понаслышке и обычно не испытывала к участникам и руководителям восстаний и революций ни малейших симпатий. Но этот Лю Дзы каким-то волшебным способом сразу же внушил к себе расположение. А ведь ничего особенного не сделал, только зубоскалил все время. Но от подлого офицера Шао спас, и рук, точнее одной руки, которой очень осторожно придерживал Татьяну за талию, не распускал.

Скакали они не слишком долго, но запомнить дорогу девушка не смогла бы при всем желании. Зелень вокруг непроглядная, все холмы похожи, как близнецы, а в ущельях тропки такие узенькие, что страшно глянуть, не то что ходить тут без провожатых. Лошадь у командира Лю была расчудесная, ступала мягко, слушалась беспрекословно, и все равно Татьяне понадобилась поддержка, чтобы выбраться из седла. Разумеется, помощь эта пришла от радостно улыбающегося Лю Дзы. Точно он в картах... или во что они тут играют, банк сорвал. Китайцы – они азартные люди, рисом не корми – дай сделать ставку. Вот и сейчас от сверкания его темных глаз и блеска зубов деться девушке было некуда – ослепит и втянет в свою новую азартную затею, как пить дать.

Деликатно, если не сказать почтительно, командир Лю отвел Таню в сторонку, к входу в большую пещеру. Возле логова разбойника ласково журчал ручеек, а на бережку лежала совсем новая циновка и дожидался своего часа костерок.

«Хорошо устроился, мятежник, нечего сказать, – восхитилась Татьяна. – Умеет жить со вкусом».

– Уважаемая госпожа, прости, что у меня сейчас нет времени выказать тебе необходимое уважение, к которому ты привыкла на Небесах... – проворковал Лю Дзы. – Но вот циновка, где ты можешь отдохнуть, вода для умывания, а если небесной госпоже захочется уединиться, те кусты в твоём распоряжении. Чуть позже ты же удостоишь меня беседой?

И склонил голову к плечу, что твой голубь, безмятежно взмахнул длинными ресницами и многозначительно изогнул бровь. Прямо не повстанец, а настоящий любезник.

– Благодарю за заботу, предводитель Лю, – сдержанно улыбнулась в ответ Татьяна, мысленно гадая, стоит ли сделать книксен или лучше не смущать обаятельного разбойника «небесными» манерами.

Пусть деликатность мятежника была чуточку насмешливая, что ли, но она все же была искренней. Как же все это странно!

Командир Лю точно почуял ее сомнения, присел рядом на корточки, взял за руку и убедительно так сказал:

– Я хочу, чтобы ты поняла сразу, небесная госпожа. Ты не в плену. И если ты пожелаешь нас покинуть... хотя я не думаю, что тебе есть куда пойти, а? Ты же с Небес, – и подмигнул хитрющим карим глазом. – Я тебя оставлю. Отдыхай.

И пошел заниматься своими прямыми обязанностями – командовать.

А небесная дева осталась возле костра – в приятном удивлении и твердой уверенности, что ей наконец-то повезло по-крупному.

Лю Дзы обошел всех своих людей, и каждому досталось от предводителя по заслугам – кому похвала, кому упреки, раненым – забота, а потянувшимся со всех сторон крестьянам – мешки с разным добром, в основном с рисом. Из чего Татьяна сделала вывод, что оказалась в компании местного китайского Робин Гуда. Обаятельного такого, в оранжевом шелковом халате, черноволосого и ловкого, точно тигр. Хоть какая-то определенность!

Где-то через полчаса Тане со всем возможным почтением преподнесли чашку риса. У здешних робингулов и такое водилось.

К тому моменту, когда предводитель Лю справился со всеми своими командирскими обязанностями и вернулся к небесной деве, та уже какое-то время тихонько роняла слезы в рис. Умывшись и пригревшись возле костра, Татьяна вдруг полностью и целиком осознала весь ужас своего положения. И, говоря фигурально, схватила за голову, а потом и не фигурально тоже. Рассудок перестал отгораживаться от ужасной правды, плотина рухнула, и душу девушки затопило горькое море безнадежности.

Лю Дзы явно хотел сказать что-то другое, но, увидев, как мелко вздрагивают узкие плечики небесной гостьи, вдруг присел рядом и спросил:

– Да ты что, сестренка? Кто тебя обидел?

И тут Татьяну прорвало. Она уткнулась носом в твердое плечо, обтянутое шелковым халатом, и разрыдалась в голос:

– Мы... Я... Все пропало! Мы же ничего плохого не хотели, правда! Только билеты в Сан-Франциско – и все. И эти фигурки... эти рыбки... Из-за них так вышло, я уверена. А теперь сестру увели, рыбку украли и...

– Какую сестру? – быстро переспросил мятежник.

Таня по-рыбьи хватанула воздуха, практически задыхаясь от слез.

– Мою единственную сестру, – громко хлюпнула она носом и поистине нечеловеческим усилием воли запретила себе рассказать Лю Дзы всю правду как на духу. Искушение было велико, но горький жизненный опыт подсказывал не доверяться первому встречному разбойнику, даже если он добрый, обаятельный и... милый. Потом локти кусать будет поздно.

– Она – небесная лиса. А этот скотина Шао обманом увел ее куда-то, а может... – Татьяна зарыдала еще пуще. – Может, он даже убил ее! И рыбку мою потом украл! И как же я без Люси? Где она? Как мы вернемся обратно? Пропала я, совсем пропала.

Не поняв и половины из сказанного, командир Лю так жалостливо погладил Таню по волосам, что вызвал новый приступ истерики. В плане порыдать небесные девы мало чем отличались от земных.

– Не плачь, сестренка... Тянь Ню¹⁷, не горюй. Чем смогу – помогу и тебе, и твоей сестрице, – пообещал он и принялся вытирать мокрые от слез щеки прищелицы тончайшим платочком с вышитыми шелком уточками, жертвуя единственным абсолютно чистым предметом своего гардероба. Яшмовый Владыка по идее должен был оценить этакую щедрость.

– Как, говоришь, твою сестричку зовут? Лю Си?

¹⁷ Тянь Ню – небесная дева (кит.).

Люси

Дочиста обглоданная куриная кость ударилась о прутья решетки и отскочила, свалившись на пол. Люся чуть не зарычала от досады, проводив бесценный кусок еды пылающим взглядом. Но сил на рычание уже не осталось. Да что там! Даже голову с соломы не приподнять. Третьи сутки без пищи и воды практически доконали Людмилу. Даже ее несгибаемая уверенность в собственной удаче и живучести дала трещину. На самом деле она уже почти не верила, что сумеет выбраться из клетки, а не закончит жизнь здесь, на соломе, взаперти, выставленная на потеху пьяным клиентам местного борделя.

Поначалу, когда ее только притащили сюда и заперли в клетку, Люся и впрямь рычала и бранилась, как настоящая лиса, бросаясь на прутья и дергая решетку. Раз сочли лисицей, так пусть убедятся – заперев ее, добра не жди! Она рвалась на волю и бесновалась, до помрачения боясь, что сейчас ее продадут какому-нибудь желтомордому бугаю и используют, как бы помягче сказать, по назначению. Но вскоре девушка поняла, что эти страхи были беспочвенны и даже наивны. Охотников испытать на себе лисьи чары не нашлось, да и купили ее не для проституции, а как диковинку, приманку для богатеев, одновременно возбуждающую любопытство и щекочущую нервы. Звание небесной лисы сыграло с Люсей злую шутку: ее не только выставили на погляд, но еще и не кормили при этом! Само собой, небесные лисы, наверное, людскую пищу и не едят, исключительно мужской жизненной силой питаются, но хоть корку-то какую могли бросить, сволочи! Хотя бы воды налили в плошечку!

Но в представлении древних китайцев чудо-зверь в пище и воде не нуждался, и Люся рисковала из небесной лисицы быстро стать лисой дохлой. Ради забавы посетители иногда бросали в клетку кости, и по утрам, когда жизнь в борделе замирала, девушка тихонько грызла подачки. Но по сравнению с жаждой голод ее почти не волновал. Без еды какое-то время прожить можно, сестрам случалось голодать, и подолгу, так что три-четыре дня вынужденного поста – не самое страшное. Но вот вода...

У Люси потрескались губы и нёбо, распух язык, воспалились глаза, в ушах постоянно звенело, зрение отказывало, а сознание меркло все чаще. Оставалось лишь разодрать зубами собственное запястье и попробовать напиться своей крови, но а дальше-то что? Несмотря на все просьбы и мольбы, китайцы оставались глухи. И в какой-то страшный миг Людмила вдруг отчетливо вспомнила отцовские сказки, особенно те, где говорилось о чудесных свойствах лисьей печени. И поняла – сволочные китаезы решили заморить ее голодом именно в расчете разжиться свежей печенкой. Убить – побоялись, а так вроде бы сама сдохла и никто не виноват, верно?

Отчаяние накрывало Люсю темным и пыльным мешком, душило, забивало глаза и глотку, словно она тонула в зыбучих песках. Надежды выбраться у нее не осталось. Совсем. И разве что одна только мысль о сестре пока держала девушку по эту сторону жизни.

Господи боже, да за что же им все это?

Но хотя бы Таня не сидела в соседней клетке, одна радость. Ее увезли, забрали куда-то, но там ее, по крайней мере, кормят. Только на это Люся и надеялась.

Сначала сквозь тяжелую мутную дрему ей показалось, что дрогнула земля. Покачнулись стены, сверху посыпалась какая-то труха, кто-то вопил, стонал и визжал, что-то звенело и трещало. Потянуло дымом. Землетрясение? Пожар? Но сил не осталось даже на то, чтобы веки разлепить. Пусть горит. Пусть рушится. Пусть провалится на самое дно их китайского ада этот городок со всеми обитателями и весь этот поганый мирок, до краев наполненный сволочами и тварями, как поганое ведро – помоями...

Потом резко и пряно пахнуло свежей кровью, крик и звон раздался совсем рядом, и о прутья клетки что-то тяжело ударилось, раздражая слух тоненьким скулежом, а нюх –

вонью... И в голове Люси, прямо под черепом, который ей самой уже казался пустым и иссохшим, словно безжалостное солнце добела выжгло его, родилась мысль. Шанс. Движение. Жизнь!

– Я хочу жить! – беззвучно кричала она, трепыхаясь в плену ослабевшего тела, как муха в паутине. – Жить! Дышать! Сестренка, я... я... Я еще есть!

И, преодолевая беспамятство и бессилие, Люся сперва приоткрыла воспаленные глаза, а потом, хрипло и неровно дыша, завозилась, приподнимаясь на локтях.

– Небо! Что... кто это?!

Этот возглас оглушил девушку, она моргнула раз и другой, тряхнула головой – и чуть не лишилась сознания окончательно от этого простого движения.

– Девушка! – позвал голос. – Девушка, отзовитесь! Вы живы?

Люся подползла поближе к решетке, из последних сил уцепилась за прутья и рывком вздернула тело вверх, пытаясь сесть. И только тогда наконец-то увидела его. Того, кто звал и спрашивал.

Сперва ей показалось, что в забытый всеми богами китайский бордель ворвался на всех парах... бронепоезд. Огнеглазый, стремительный, пышущий яростью и жаром, остро пахнущий ветром, заблудившимся в длинных прядях черных волос, и пылью сотен дорог, осевшей на доспехах. Неудержимый, он промчался по залу, ставшему вдруг до смешного маленьким, и замер рядом с ее клеткой, опираясь на какое-то зловещее оружие на длинном древке и прожигая пленницу пронзительным взглядом.

С клинка тяжелыми каплями падала кровь, но Люся не боялась и не удивлялась. Бронепоезд – он такой, сметет, раздавит, перемелет в багровое месиво слабую человеческую плоть – и не заметит.

– Девушка! – снова позвал он, и она вспомнила, что умеет дышать. – Девушка, отползите от решетки. Сейчас я освобожу вас. Вы слышите? Вы понимаете?

Люся слабо кивнула, все еще зачарованная. От него веяло мощью и уверенностью, от него разило смертью, должно быть, именно он буквально покрошил здесь всех, не щадя никого, но... Для нее, самозванной небесной лисы Лю Си, этот свирепый воин был посланцем самой жизни.

Она послушно отползла, не отводя от него глаз. Если это все бред, если даже это ангел смерти пришел за ней в облике безжалостного воителя – все равно! Его клинок нес освобождение – либо из клетки, либо от последних мук, и Люся была ему за это несказанно благодарна.

В два сильных удара он расправился с решеткой, просто прорубив ее, пинком выбил остатки прутьев и протянул девушке руку. Она подалась вперед, потянулась... но это последнее усилие доконало ее. Беззвучно и тихо, как павшая от изнеможения лошадь, Люся ткнулась лицом в солому и замерла, уже ничего не видя, не слыша и почти не дыша.

Таня

Терпение – это не только главное качество русского человека, но и первейшая его добродетель. Без него русскому человеку никуда. Так она говорила себе с того самого момента, как командир Лю посулил отправить своих людей в Фанью и разузнать о судьбе небесной лисы по имени Лю Си. Входит ли привычка держать обещания в число китайских добродетелей, Татьяна доподлинно не знала, но очень на это надеялась.

– Пойми, сестренка Тьян Ню, не могу я с неполной сотней напасть на городской гарнизон. Перебьют моих молодцов, как пить дать, – объяснил веселый мятежник. – Но что касательно разведки, тут у меня все схвачено. Разглядят в темноте и разговорят немых, если надо. Ты просто жди и надейся, лады?

– Лады! – согласилась Таня.

Находиться рядом с жизнелюбивым командиром Лю ей понравилось. Никогда прежде ни один мужчина не внушал ей столько уверенности. Вечное женское желание «быть как за каменной стеной» Лю Дзы исполнял не напрягаясь, почти играючи. А в его отсутствие роль крепостных стен играли богатырь Фань Куай и конфуцианец Цзи Синь.

«Братец Фань», как он сам себя просил именовать, давал по шеям любому смевшему тревожить небесную деву восхищенным, но назойливым взглядом, в то время как его друг и соратник вел среди бойцов пропагандистскую работу. Мол, разуйте глаза и поймите, что абы кому Небеса не позволят спасти небесных дев! То позволено лишь их избраннику. Доказательство же вон – сидит на циновочке и обмахивается шелковым платочком командира. Ну все, посмотрели чуток – и хватит.

В отличие от своих побратимов сам «избранник» не слишком-то верил в небесное происхождение белокожей и светлоглазой гостью. Подначивал Татьяну по поводу и без, но всегда как-то по-доброму, без злости. Тане это нравилось, потому как означало, что парень надежен нетривиальным умом и здравым смыслом. Мало ли кто кем назовется! Она пила и ела как обычный человек, в кустики ходила уединяться регулярно, спала и всхлипывала во сне, а то, что кожа белая, так чего только на свете не бывает.

Примерно так Лю Дзы и сказал однажды в порыве откровенности:

– Слышал я от купцов, на далеких южных островах живут синекожие люди с собачьими хвостами.

– Все может быть, – уклончиво ответила Татьяна.

– Тогда наверняка где-то и сереброглазые водятся? – и подмигнул эдак лукаво. – Ничего такого ты на Небесах не слышала, сестренка Тьян Ню? Может, в тайных книгах Девяти Небес чего вычитала, нет?

– Я в основном по персикам знаток, – усмехнулась в ответ Таня.

– По персикам бессмертия, конечно? – с притворно серьезной миной уточнил мятежник. – Которые здесь у нас не водятся, верно я понимаю?

– Именно, предводитель Лю.

– Я так и подумал отчего-то.

Казалось, они понимают друг друга без слов. А еще Татьяне понравилось имя, которое ей дал Лю Дзы. Оно переводилось очень даже просто – небесная дева. Чтобы ни у кого никаких лишних вопросов не возникало.

И тут к интересному разговору присоединился братец Синь, который гнул свою политическую линию.

– Нам нужно настоящее знамя, – сказал он и посмотрел на Татьяну со значением.

Командир Лю скорчил страшную рожу и зашипел на соратника, дескать, думай, что и кому говоришь, стратег недоделанный! Но тот отмахнулся веером и продолжил агитацию:

– Брат Лю, вот уже полгода минуло с тех пор, как мы подняли восстание против тирана. По всему уезду сотни молодцов готовы прийти под твои знамена...

– Я знаю, – буркнул Лю.

– ...И что ты им покажешь? Рваную тряпку?

– Да знаю я! – рыкнул командир. – Я же говорил тебе – еще не время!

– Время, – веско ответил стратег. – Урожай собран. Знак Небес, которого ты ждал... – и поклонился Тьян Ню. – Если она не знак, тогда чего тебе еще? Хочешь, чтобы Яшмовый Владыка лично спустился к тебе и подтолкнул? Если небесная дева окажет нам честь и своими руками сошьет для нас Знамя Небес, кто посмеет встать у нас на пути?

Шить Татьяна умела, но к красному знамени, а именно такой цвет выбрали для себя повстанцы, у нее душа не лежала.

Лю почесал и без того лохматый затылок и хмыкнул. А потом отпихнул стратега, недвусмысленно намекая, что такие вопросы ему с небесной девой надо бы лично обсудить. Наедине!

– А вообще, знаешь, он прав, сестренка, – вздохнул Лю, когда Цзи Синь, выразительно поглядывая через плечо, наконец-то отошел и принял созерцательную позу. – Пора прекращать с разбоем. Мы тут, понимаешь, собрались не ради пары мешков риса и куска шелка.

– А какая же цель у тебя, братец Лю? – спросила Татьяна, чувствуя, что шить зная ей все-таки придется.

– Как это – какая? – слегка удивился мятежник. – Великий человек должен править миром! Как думаешь, выйдет из меня император? – и непочтительно заржал. Но глаза у него оставались непривычно серьезными.

Небесная дева искренне восхитилась мощью замысла и широтой замаха. Вот это по-нашему! Но решила кое-что уточнить практически в корыстных целях:

– А сейчас какой император правит?

Ей до зуда в языке хотелось наконец точно определиться с датами. Во времена какой династии их с Люсей затащили папочкины рыбки-то?

– В Саньяне уже второй год сидит мелкий слизняк Эр-ши, – ответил Лю Дзы так запросто, словно совсем-совсем не удивился тому, что на Небесах не в курсе, кто правит Поднебесной. – Конечно, он не такой кровопийца, как покойный Цинь Шихуанди, но и шагу ступить не может без приказа жирного хряка Чжао Гао. Вот и выходит, что Цинь правит евнух. Это, сестренка, совсем невесело. Я, кстати, не один такой умник. Вот Сян Лян из Чу, тот вообще уже войско собрал. Сама понимаешь, у нас тут, в уезде Пэй, возможностей поменьше, но и отставать не след! А то Цинь разобьют без меня, и как же я тогда стану императором? – и снова весело подмигнул, вернувшись к легкомысленной манере беседовать с небесными посланницами.

В голове у Татьяны что-то щелкнуло, и мозаика сложилась целиком. Династия Цинь, провинция Пэй, евнух Чжао Гао, княжество Чу... Не зря, ох не зря папенька настоял на чтении «Исторических записок» Сыма Цяня, которые он сам и перевел, да опубликовать не успел. Вот ведь судьба-злодейка! Правда, давно это было, многое забылось, но самое главное Татьяна Орловская запомнила крепко-накрепко.

– Так, значит, это ты тот доблестный воин, который отпустил несчастных строителей усыпальницы? – спросила она осторожно, пока еще не веря до конца в свою догадку, и на всякий случай, добавила: – На Небесах известен этот подвиг во имя милосердия.

– Ух ты! – просиял Лю и хлопнул себя по бедрам. – Даже с Небес было видно? А то, как я напился накануне, тоже известно? Представляешь, просыпаюсь – голова раскалывается, в глотке словно кош... э... фениксы порхали, а половина работников разбежалась. Ну не ловить же их, бедолаг? Я тогда и остальных... того... отпустил. Половина моих ребят, – он гордо махнул на своих людей, – аккурат из той партии рабочих. Вот хотя бы братец Фань... О! Прости, сестренка. Там такая история дальше, что девичьим ушкам ее слышать не подобает.

Таня едва удержалась, чтобы не начать совсем не по-небесному прыгать на месте от восторга и хлопать в ладоши. У Сыма Цяня примерно так все было и написано!

– Так это ты станешь императором и основателем новой династии! – всплеснула руками она.

– Серьезно? Я так и думал. – Лю блеснул зубами в довольной улыбке. – У меня к Цинь свои счеты, понимаешь... Да! Так что насчет знамени? Коли уж ты предрекаешь мне титул Сына Неба?

– На то я и небесная дева, – фыркнула девушка, сама не заметив, что откровенно кокетничает с предводителем Лю. – Ладно уж, братец Лю, будет тебе зная.

«Сыма Цянь писал свои «Исторические записки» спустя много-много лет после того, как все случилось. И во многом он ошибался, а кое-что просто насочинял для пущей красоты, но какой же он все-таки молодец, что взялся за это неблагодарное дело. Лично я древнему летописцу страшно благодарна».

(Из дневника Тянь Ню)

Глава 4

На ловца и зверь бежит

«Вещи никогда не заменяют людей, а живой голос всегда звучит громче, чем самая интересная запись на молчаливой бумаге. Я помню каждый свой день, каждое слово, каждую встречу, словно я – каменная скрижаль, на которой Господь высек заповеди. И я пишу этот дневник не для себя».

(Из дневника Тьян Ню)

Тайвань, Тайбэй, 2012 г.

Саша

Саша спала, и ей снился сон.

Она лежала на земле. Где-то поблизости разило кровью и гарью. Запах смерти, острый, резкий, тошнотворный, плыл по воздуху, въедался в волосы и кожу. Неподалеку был человек – надрывно, жутко, на одной ноте. Границы миров, подрагивая, вплетались одна в другую: вот вспорол горизонт, возносясь к облакам, сверкающий шпиль тайбэйского небоскреба и сразу – будто кто-то переключил телевизионный канал – мелькнули крыши пагод и распахнул пасть, кося лиловым глазом, золотой дракон.

Она попыталась вдохнуть и едва не поперхнулась – горло сжало огненной болью, скрутило спазмом. Сквозь мутную дрожащую дымку проступили мечущиеся из стороны в сторону силуэты – цветные пятна на темном фоне.

– Пить, – прохрипела девушка и облизнула потрескавшиеся губы.

Вода, ей нужна была вода, хотя бы немного, хотя бы глоток. Перед ее внутренним взором пели водопады, журчали ручьи, плавно и неспешно несли свои волны могучие реки.

Она бы заплакала, но слез не осталось. Болели воспаленные опухшие глаза, и казалось, что все тело одновременно и плавится, и немеет. Наконец там, во сне, ей удалось, царапая пальцами пол, приподняться – и тут же, будто соткавшись из стального тумана, вокруг нее с лязганьем выпростались из земли железные прутья. Ломая дерево, пробивая стены и потолок, они сомкнулись вокруг нее, став клеткой, и иглами ушли вверх, к алому небу, истекающему огнем.

А потом из-за стены пламени на нее глянули круглые рыбы глаза то ли беса, то ли божка, и неожиданно рядом раздались чьи-то шаги, вынырнула из пылающей хмари высокая темная фигура.

– Девушка, – произнес чей-то гулкий, до боли знакомый голос. – Девушка, вы живы?

Александра с криком очнулась и резко села в кровати, схватившись за горло. Ни разу в своей жизни она не испытывала такой чудовищной, нечеловеческой жажды. Девушка глотнула сухую и заскулила от боли. Было страшно, очень страшно.

Она спустила ноги с кровати и попыталась встать, но сил не осталось. Казалось, Саша долго бежала по пустыне, а не спала в собственной комнате, в окружении давно привычных и знакомых с детства вещей. Цепляясь рукой за спинку кровати, девушка поползла к двери. Рот горел, горло сжималось, будто вместо воздуха его заполнял мелкий песок.

Добравшись до выхода из комнаты, Александра заставила себя подняться. Ноги подламывались. Судорожно цепляясь руками за стены, она спустилась вниз, в кухню.

Там была вода. О боги и демоны, там была вода! Цветы в вазах, оранжевые, красные, золотые, будто издевались над ней, и капли из небрежно закрытого крана равномерно стучали по большой, до блеска отчищенной раковине.

Кап. Кап. Кап.

С хрипом Саша бросилась к холодильнику и дрожащими от нетерпения и жадности руками достала бутылку с водой. Холодная, мгновенно запотевшая, она показалась ей сокровищем. Когда ледяная влага коснулась ее языка, девушка приглушенно застонала и запрокинула голову. Вода лилась по ее щекам, шее, стекала по груди, оставляя мокрые пятна на ночной рубашке, но ей было все равно. Она не знала, сколько времени прошло. Опорожнив одну бутылку, она сразу же открыла вторую. Огонь, пришедший к ней из сна, медленно отступал, ужас от собственной беспомощности утихал.

– ...делаешь? – донесся до нее вдруг голос, и в некотором ошеломлении и не без внезапно вспыхнувшего в груди страха Саша резко повернулась.

За спиной ее стояли родители. Волосы матушки, небрежно заплетенные в косу, были перекинута через плечо. Отец возвышался позади нее, большой и грозный в своем халате, расшитом драконами. Увидев извивающегося на ткани змея, барышня Сян вздрогнула – пламенной стрелой мелькнул перед ней образ из сна. Постепенно приходя в себя, девушка глубоко вздохнула. Что... что это был за сон – и сон ли? И почему она чувствует себя так, будто сама только что побывала в клетке и провела несколько дней без воды и еды?

– Сян Джи! – рывкнуло вдруг рядом, и девушка снова вздрогнула.

– Папа, – растерянно сказала она, миг позабыв про все их разногласия и желая лишь одного – прижаться к кому-нибудь родному, тому, кто погладит по голове, успокоит, скажет, что бояться не надо, что она не одна. – Папа, я... Этот сон! Там были огонь и клетка, и кровь... Столько крови!

– Что с тобой? – неверящим тоном вдруг спросил ее родитель и подозрительно принюхался. – Ты пьяна?

Матушка, предпочитавшая, как обычно, хранить молчание, склонила голову и прижала ладонь к краешку глаза. Приглушенный свет кухонных ламп отбросил тени на ее лицо, четче очертил складки вокруг рта и меж бровей.

– Что? – удивленно переспросила Саша. – Конечно же нет! Когда бы я успела?

– Неужели ты держишь в своей комнате алкоголь, девочка моя? – Только кривящиеся губы госпожи Сян выдавали ее смятение. – О!

Девушка фыркнула против своей воли – родители ее, как и всегда, видели и слышали лишь то, что им было угодно, – и это было ошибкой. Услышав ее смех, отец будто окаменел. Желваки на его скулах заиграли, глаза полыхнули яростью, и Саше отчего-то вспомнилась темная фигура из сна, пришедшая к ней сквозь огонь.

– Сначала, – тихим, не сулящим ничего хорошего голосом проговорил хозяин дома, – ты, своевольная, несдержанная девчонка, говоришь, что желаешь выйти замуж без моего позволения. Затем развлекаешься, разъезжая в непотребном виде по улицам города в компании какого-то босняка. А теперь и вовсе ведешь себя как полоумная.

– Все не так, – подняла ладони в примиряющем жесте девушка. – Мне просто приснился странный сон, и я...

Она знала, что отец не услышит ее слов. Таков был господин Сян. Решив что-то, он уже не менял своего мнения. «Своенравие, – не к месту вспомнились Саше слова бабушки, – упрямство и прихотливый нрав – вот что делает кровь мужчин нашего рода такой густой».

«Слишком густой, – язвительно подумала девушка, удивляясь столь непочтительной – пусть даже и в мыслях! – несговорчивости. – Не мешало бы ее разбавить!»

Она оказалась права – отец не пожелал выслушать ее оправданий.

– Вон, – проскрипел он, и полный придушенного хрипа голос предупредил Александру об опасности лучше любого крика. – Убирайся в свою комнату и не смей показываться мне на глаза!

Спорить она не стала. Под тяжелым взглядом отца внука Тьян Ню прихватила со стола бутылку с газировкой и, спиной чувствуя исходящие от родителей волны негодования, поспешила к себе в студию. Там, в темноте, в тишине и покое, она села на пол у кровати, отхлебнула воды и задумалась.

Дневник бабушки оказался головоломкой... шкатулкой с двойным дном. За одной тайной скрывалась другая, а за ней – третья. Мятежник Лю, император Эр-ши – это были имена, выжженные на страницах истории кровью и огнем. Они существовали! Когда-то давно, за тысячи лет до ее рождения, все эти люди жили, дышали, любили... и ее собственная бабушка в своих записках утверждала, что была в это время там, с ними!

– Как такое может быть? – в растерянности спросила себя Саша, подошла к комоду, на котором стоял бабушкин ларец, и взяла в руки маленькую шершавую рыбку. – Я должна разобраться.

Ответом ей была тишина. Снизу, из кухни, доносились приглушенные голоса родителей. Ровно шелестел за приоткрытым окном ветер. Не совсем отдавая себе отчет в своих действиях, девушка сняла со спинки стула кожаную куртку – единственную зацепку, напоминая о странной и удивительной встрече с Ин Юнченем – и накинула ее на плечи, будто ища поддержки у парня, которого по своей неосмотрительности потеряла, возможно, навсегда. Мысль эта неожиданно отозвалась печалью и острой тоской в сердце, и Саша на мгновение зажмурилась, а потом решительно открыла заветный дневник. Что-то подсказывало ей – ответы на все вопросы она найдет здесь, на истрепавшихся от времени страницах.

Ин Юнчен

В небольшом баре, спрятавшемся посреди шумных улиц в самом центре Тайбэя, былолюдно. Приглушенные голоса, смех, музыка – ночь едва-едва перевалила за середину, и веселье било ключом.

Ин Юнчен посмотрел на стакан с виски и, подперев подбородок ладонью, прищурился. Сидящая рядом с ним незнакомая девица – длинные волосы, пухлые блестящие губы, зазывная улыбка – повела круглым плечиком. Он по привычке ухмыльнулся было в ответ, легко и многообещающе, но потом, прищелкнув языком, отвернулся и сделал глоток. Крепкий ароматный алкоголь обжег горло, оставив после себя легкое дымное послевкусие. С чем-чем, а с выпивкой ему сегодня повезло... чего нельзя было сказать о женщинах. Точнее, о женщине.

– Ты же не из тех, – пробормотал он, с улыбкой передразнивая повстречавшуюся ему днем красотку, – кто думает только о том, как идти вперед без оглядки! Ха!

Вот же лисица! Такие, с характером, дерзкие и своевольные, всегда нравились ему, а в этой было вдобавок еще что-то такое... особенное. Поначалу он даже решил, что она приехала в Тайвань откуда-нибудь издалека – среди местных девушек мало кто мог похвастаться белой кожей и светлыми глазами. Потом передумал – по-китайски незнакомка говорила быстро, бегло, с легкой и привычной непринужденностью.

Ин Юнчен хмыкнул. Здесь крылась какая-то загадка, и... надо было признаться себе, что Сян Джи – так она назвалась – зацепила его. Вроде и лишним словом не перемолвились, а гляди-ка, только о ней и думается.

Ин Юнчен вспомнил, как девушка прижималась к нему, когда он вез ее домой, и, распаяясь, откинулся назад, взъерошил ладонью волосы. Давно его так не корежило при одной мысли о девчонке... да что там давно – никогда.

Сегодня, едва разглядев ее, Ин Юнчен сразу понял – этой вот гордычке самое место рядом с ним. Как и всегда, ему и в голову не пришло сомневаться в своем выборе. Все было просто – пусть станут ему свидетелями предки, эту женщину он получит, вот и весь разговор. Вопрос был лишь в том, как быстро: помчавшись утихомиривать своего чем-то явно

недовольного папашу, красотка не только не оставила ему ровным счетом никакой возможности с ней связаться, но и умыкнула под шумок любимую куртку!

Парень фыркнул. Кожанки ему было не жалко – наоборот даже. В ней Сян Джи выглядела так, словно уже принадлежала ему: промокшая, злая и чертовски красивая. Чувствуя, как горячит кровь взбудораженное хорошим виски воображение, он сделал еще плоток – и едва не поперхнулся, когда чья-то ладонь со всей дури впечаталась ему в спину.

– Друг Ин Юнчен! – раздался над ухом беспечный возглас. – Пьешь один, значит? А нас с Цинем что ж не зовешь? Негоже приятелей этак вот обижать, а?

Ин Юнчен, кашляя, дернул головой и поднял взгляд, уже зная, кого увидит. Чжан Фа, его закадычный товарищ, великан и добряк, силы свои рассчитывать не привык. Улыбаясь во весь рот, гигант стоял рядом с барной стойкой и совсем не замечал, какое оживление вызвало его появление среди завсегдатаев крошечного заведения. Из-за могучей спины исполина едва виднелась макушка утонченного – во всех смыслах этого слова! – Ю Цина – их общего друга, бабника и эстета, прозванного за малые размеры Пикселем.

– Ты его еще посильнее приложи, посильнее, Фа, – в этот же самый момент вкравчиво прошептал Цин и плавно переместился в сторону – поближе к выпивке и давешней длинноволосой девице. – Может, после этого он уже никогда и никого не обидит. Есть такая вероятность.

– Так я легонько! – возмутился Чжан Фа, одним ударом ломавший кирпичи. – Юнчен и не поморщился, верно? Он у нас молоток, не то что ты, таракан недокормленный!

– Кхе-кхе, – прохрипел «молоток» и потряс головой. – Ну привет! Только вас мне и не хватало!

Впрочем, появление друзей не вызвало у него особого удивления – в конце концов, их троица давно облюбовала для своих попок и посиделок этот маленький уютный бар и частенько сюда наведывалась, вместе и поодиночке. Простой, но добрый Чжан Фа, и надменный зазнайка Пиксель и он дружили так давно, что понимали друг друга с полуслова. Шутка ли – пройти вместе через добрую сотню детских, а потом и взрослых проказ и проделок, бед и радостей!

Вот и сейчас Ю Цин бочком скакнул к нему и весь затрепетал, со значением косясь на стройные ножки их соседки по барной стойке.

– Мы и уйти можем, – проворковал сей ценитель дамских прелестей, похабно поведя бровями. – Если ты в этом смысле одиночеством наслаждаешься, друг Юнчен.

Ин Юнчен без особого интереса окинул взглядом весьма аппетитные формы девицы, затянутые в короткое платье. Наряд ее совсем не оставлял воображению работы. Еще с день назад он, пожалуй, и поразмыслил бы над тем, чтобы угостить такую вот штучку коктейлем-другим, но сейчас... На уме у него нынче была другая женщина, а довольствоваться подделкой при наличии, так сказать, оригинала Ин Юнчен решительно не желал. В памяти всплыло лицо Сян Джи, пряди мокрых волос, облепивших ее щеки и шею, и парень, прошипев заковыристое ругательство, в один присест опорожнил свой стакан.

Ю Цин присвистнул, всем своим видом выражая далеко не вежливый интерес.

– Я чувю, – с любопытством провозгласил балагур и оседлал высокий стул, – что-то неладное. Жареным пахнет, однако. Это ж, натурально, год обезьяны и месяц лошади у нас приключился! Чтобы наш Ин Юнчен – и юбку пропустил?

Чжан Фа, услышав такое, тоже добродушно расхохотался.

– И правда, – согласился великан, подзывая бармена и усаживаясь рядом, – неладное ведь дело! Что такое стряслось-то, что ты тут виски шпаришь, как сладкую водичку, а, братец?

«Окружили, демоны», – с затаенным весельем подумал Ин Юнчен, похлопал себя по карманам, пытаясь отыскать сигареты, с наслаждением закурил – и выложил друзьям

все как на духу. Много времени рассказ не занял, но в процессе приятели славно угостились веселящими душу и сердце напитками и через такое свое состояние весьма прониклись душераздирающей историей – каждый на свой лад.

– Ну и вот, значит, – подытожил наконец Юнчен, – сбежала она. Как бы ты выразился, друг Цин, ушел у меня из рук цветок, что понимает человеческий язык. Ну, это пока, конечно. Чтобы я да не отыскал, кого пожелаю? Но все-таки досадно!

Пиксель, услышав такое, вмиг слетел со своего насеста и, словно маленькая, но очень целеустремленная бабочка, запорхал вокруг друзей.

– Что я слышу?! – возопил он наконец. – Что я вижу?! Мы теряем его, Чжан Фа, теряем! Годы кутежей и загулов, настоящая мужская дружба – и ты только послушай! Объявилась, значит, юная лань, под колеса, значит, кинулась – и!..

Гигант, который слушал рассказ, затаив дыхание, и внимания не обратил на стенающего Ю Цина. Он почесал своей лапой коротко стриженный затылок, повздыхал и напрямик задал вопрос, который последние несколько часов вертелся и в голове самого Ин Юнчена.

– Так если, – прогудел он и серьезно посмотрел на своего лучшего друга, – и впрямь хороша девочка эта, чего ты, дубина, здесь сидишь, а не ищешь, как с ней связаться-то? Давай! Не в твоей ведь привычке медлить, а?

Империя Цинь, 207 г. до н. э.

Татьяна и Лю Дзы

Шитье знамен для повстанцев – рукоделие непростое. Сначала надо было сшить вместе три полотнища в локоть шириной, а затем аккуратно обметать края. И все это пришлось делать толстой иглой, сидя согнувшись на циновке. К концу третьего дня работы шея у Татьяны почти не двигалась, плечи ныли, а спина разламывалась, как у старушки. И как только стемнело, девушка рухнула спать, не дождавшись ужина и подложив под голову треклятое знамя вместо подушки.

«Пусть увидит, какая я сплю – усталая и голодная, – подумала она уже в полудреме и подразумевая, конечно, Лю Дзы. – И почувствует себя виноватым в...»

Само собой, жалобный стон желудка пробудил Татьяну задолго до рассвета. От остального лагеря мятежников ее отделяла широкая спина их предводителя и его же громкое сопение. Во сне командир Лю выглядел еще моложе, чем был на самом деле. Черные блестящие волосы разметались в беспорядке, щеку он трогательно подпер ладонью, морщинка между бровями разгладилась, и видно было, что снится будущему императору что-то хорошее. Тане вдруг ужасно захотелось погладить своего спасителя по щеке, она даже руку протянула. Но застеснялась и в очередной раз поблагодарила Бога за то, что совершенно не помнит, как там у Сыма Цяня все кончилось. Хуже нет – смотреть на такого славного веселого парня и знать, как он умрет и когда. Врагу такого не пожелаешь!

А потом, вдосталь налюбовавшись, чего уж скрывать... на красавчика Лю, девушка снова задремала. Чтобы проснуться от бешеного рева этого самого красавчика.

Предводитель Лю бушевал, точно обвал в горах, не скупясь на обещания изощренной расправы над неким Сян Ляном. Сварить живьем в желчи собственной матери была самая простая из его угроз.

Ни смешным, ни тем паче милым в гневе Лю Дзы не был даже приблизительно. Наоборот – страшным и безмерно опасным. Искрящееся обаяние его улыбки прямо на глазах переродилось в свирепую маску ярости. Никакой хваленной азиатской невозмутимости! Просто живой ураган ненависти какой-то.

И Татьяна, выдавшая виды, по-настоящему испугалась. Она сжалась в комочек и больше всего хотела бы спрятаться под циновкой, на случай, если эта буря случайно налетит на нее.

– Вернулись разведчики, – подкравшись незаметно, тихонько шепнул Цзи Синь на ухо небесной деве душераздирающим голосом.

– Понятно, – кивнула Таня. – Все плохо.

– Сейчас узнаем, насколько, – задумчиво молвил братец Синь, когда предводитель сделал знак побратимам собраться на совет.

Что-что, а совещаться братец Синь очень любил, а потому рванул, что называется, с места в карьер.

– Сам виноват! – выдал он без обиняков. – Пока ты собирал урожай, Сян Лян собрал армию! И кто повинен, что людей в Фаньюе некому было защитить? – и бесстрашно ткнул пальцем в командира, чтобы уж никто не усомнился – виноват именно он.

Братец Фань пробормотал смущенно:

– Но, брат Синь... Кто ж знал-то! Ведь Сян Лян воюет с Цинь...

И тогда Лю взорвался фугасным снарядом снова:

– Этот Сян Лян и его племянничек! Хорошо же он воюет с Цинь! Все! Хватит! – проорал он, с каждым словом пунцовея лицом, словно зреющий плод граната. – Брат Синь, собирай людей! Место встречи – Фаньюй. Я покажу Сян Ляну, что у меня тоже есть войско. И я никому не позволю убивать моих людей и жечь мои города – ни солдатам Цинь, ни этому надутому князьку из Чу!

Он вскочил, одернул халат и зычно крикнул своим людям:

– Эй, собираемся! Идем в Фаньюй!

Татьяна от страха зажала уши, но ей было простительно, если даже кони от этого крика начали рваться с привязи, а рядовые бойцы так и вовсе разбежались по кустам.

Это было уже слишком, и зоркий Цзи Синь громко зашептал командиру:

– Брат! А как же небесная дева? Если ты уведешь весь отряд, кто останется здесь охранять ее?

– Она, – свирепо отрезал Лю, – поедет с нами. Рядом со мной. Найди ей смиренного коня. А! Вот ты сам и присмотришь. В бою от тебя все равно толку мало, братец.

– А может... может быть, я тут подожду? – робко спросила Таня. И подала заказчику почти дошитое знамя, словно... словно какой-нибудь мандат Реввоенсовета.

Лю по-лошадиному мотнул головой, невероятным усилием меняя тон с громкого рычания на просто рычание:

– Нет! Я не могу разделить отряд. А самое безопасное место в уезде Пэй сейчас – рядом со мной, – и добавил уже мягче: – Не бойся, сестренка, Цзи Синь приглядит за тобой. Он всегда наблюдает за ходом боя с какого-нибудь высокого холма.

Татьяна растерянно оглянулась на Синя. Тот очень уверенно затрепетал веером. А что делать? Пришлось ему верить.

Затем Лю дернул ее за широкий рукав:

– Давай-ка отойдем.

Лагерь повстанцев располагался в потрясающем месте. Эти живописные скалы, хрустальные ручьи, яркую зелень и цветы только на шелке и рисовать! И уж никак не создана эта изысканная красота для того, чтобы партизанить и жечь города.

Лю Дзы постоял, помолчал, глядя вдаль на молочно-белый туман, пушистым покрывалом укрывший долину, а потом ка-а-ак саданул кулаком по камню со всего маху! Только кровь брызнула. Но боли он не чувствовал, нет.

– Прости, сестренка, но после того, как мы доберемся в Фаньюй, нам придется расстаться. Что ж я раньше не сообразил... Я отвезу тебя в храм богини Нюйвы. Практически, – и улыбнулся, – к порогу Небес. А сам найду твою сестру. Только... – и замолчал ненадолго.

– Зачем в храм? – запаниковала Татьяна. – А с тобой совсем-совсем нельзя остаться?

– Мы начинаем войну, – просто ответил Лю. – Война не место для девушки, тем паче – небесной. Но сперва мы перевернем каждый камушек в Фаньюе, и если твоя сестра там – мы ее отыщем, и я спрячу в храме вас обеих. А если нет... я все равно найду ее. Не думаю, что хулидзын так уж легко убить, а? Ну не плачь. Она жива. Ты же небесная дева. Ты должна знать такие вещи, разве нет? Даже я, смертный и земной, сразу понял, когда моя сестренка... Когда ее... Я это почувствовал. А ты... ты чувствуешь что-то такое?

Сказал не для того, чтобы солгать и тем утешить. Он и вправду сразу понял, что сестренки Чжен больше нет. Когда ее забирали, когда увозили в Санъян просто потому, что какой-то циньский прихлебатель не захотел отдавать собственную дочь в наложницы, заменив ее приглянувшейся крестьянской девчонкой, ничего не чувствовал, просто не знал об этом. Уж как чиновник провернул такое дело, про то лишь ему ведомо. Взятку дал, конечно. Свою пожалел, а Лю Чжен не помиловал. Тогда весна была, а осенью Лю как-то внезапно и сразу понял – сестры больше нет. Она сгинула в лабиринтах Внутреннего дворца в Санъяне, и, может статься, до сих пор скитается по дворцовым переходам ее неприкаянная и бесприютная душа...

Откуда ненависть к Цинь? Ха! Да, и отсюда тоже.

Татьяна как-то сразу, без лишних расспросов, догадалась, что именно случилось с сестрой мятежника Лю. Умерла она, сгинула, погибла – вот что! Когда кто-то теряет близкого человека, то в его горле навсегда появляется комок густой боли, мешающий произносить имя умершего без запинки. Даже когда рана в душе зарастает грубым рубцом и воспоминания не вызывают желания зарыдать в голос, имя все равно жжет губы, словно деревенский первач. Верно же и обратное: если связь с кем-то крепка и замешана на общей крови, то любящее сердце сразу подскажет, когда случится непоправимое. Таня прислушалась к себе и поняла, что Люся жива.

– Ты прав... – признала она. – Мою сестру не так-то просто убить.

По крайней мере, у красных из ЧОНа¹⁸ расстрелять Людмилу Смирнову не получилось целых два раза, а от них мало кто уходил живым. «Фартовая я, – нервно смеялась потом Люся. – Ничего мне не сделается». Но первые седые волосы появились у нее после того, как на ее глазах чоновцы закопали живьем почти две сотни человек. И вспоминала внебрачная дочь питерского профессора-синолога о том случае только в непечатных выражениях. Таня тряхнула головой – прочь, прочь из памяти, страшные видения.

И тут Татьяну посетила гениальная мысль.

– Я дам тебе кое-что, – сказала она. – Небесную... диковинку.

Небесная дева сняла с шеи цепочку с медальоном и протянула Лю Дзы. Внутри обеих крышечек было по маленькой фотографии – портреты сестер, сделанные еще до переворота в Петрограде. Милые девичьи личики с округлыми щечками, глядящие на мир с восторгом в предвкушении чудес и счастья. Блаженны чистые сердцем!

– Это такие особые небесные... картины. На память, – пояснила Таня и, предвосхищая нескончаемые расспросы предводителя Лю, добавила: – Они сами собой делаются по воле Яшмового Владыки.

Мятежник Лю восхищенно, точно ребенок, повертел медальон, поцокал языком – да и повесил его себе на шею, заправив под халат.

– Да уж! Такую деву я точно не пропущу, будь уверена, сестренка! – промурлыкал он и эдак ласково погладил спрятанное на груди сокровище.

Лю Дзы

¹⁸ ЧОН – части особого назначения – «коммунистические дружины», «военно-партийные дружины», создавшиеся при заводских партячейках, райкомах, горкомах и т. д. (1917–1925).

Дорога к городу Фаньюй извивалась среди холмов, как след змеи с перебитым хребтом. Не одно и не два отличных места для засады миновал отряд мятежника Лю, но внезапного нападения он не опасался. Эту местность его бойцы, многие из которых, как и командир, родились в уезде Пэй, знали назубок, за последние полгода облазив все тропки, овраги, ущелья и распадки. Кроме того, Лю Дзы не поленился, как всегда делал, пустить вперед охранение. Так что если бы впереди их ждал враг...

Но впереди ждало лишь пепелище.

Запах холодной гари, этот особенный, мертвенный запах, который возникает, лишь когда горит человеческое жилье, командир Лю почуял еще за десять ли от города. А потом они как-то сразу увидели облако дыма, кривым черным деревом тянущееся над холмами куда-то к северу.

Лю осадил коня, глянул, втянул воздух сквозь сжатые зубы, чувствуя, как у него каменеют скулы. А потом привстал в стремях и коротко бросил приказ:

– Вперед!

Те, кто тоже был верхом, устремились за ним, настегивая коней, пешие побежали следом. Привычные к долгим переходам, тяжелому труду и жизни впроголодь, воины Лю – бывшие крестьяне, охотники и рыбаки, беглые преступники и рабы – выносливостью не уступали лошадям. Что им пробежать каких-то десять ли?

Навстречу попадались беженцы. Завидев отряд, они молча валились на колени в пыль, и только согнутые спины провожали крохотное «войско» Лю, мелькая по краям, как дорожные вехи.

Десять ли пролетели как два. И с невысокого пологого холма, откуда открывался отличный вид на Фаньюй, Лю Дзы увидел – сражаться тут не с кем. Разве что мародеров разогнать. Ни солдат Цинь, ни армии Сян Ляна в городе не было. И самого города не было тоже – просто черная рана посреди рисовых полей, словно кто-то прожег углем дыру в расписном зеленом шелке.

– Разбить лагерь! – приказал командир и, глянув на Тянь Ню, покачал головой: мол, не печалься прежде времени, еще ничего не ясно. И тут же забыл о девушке, раздавая приказы направо-налево: – Братец Фань, собери десяток верховых – пойдут со мной в город. Да, ты тоже идешь. Брат Синь, организуй бойцам кормежку. И пусть варят побольше – чую, народ еще подтянется. А! Тех, кто придет, сперва просто кормить. Я сам решу, кого возьму в отряд, а кого – нет. А здесь, – он с размаху воткнул в землю флаг, немного кривовато, но прочно, – будет моя ставка. Фань! За мной! Глянем, что там, в городе...

Ворота в Фаньюй были выбиты, одна обгорелая створка криво висела на уцелевшей петле, надвратная башенка сгорела полностью. Среди тел, уже обобранных чуть ли не донага, попадались острые обломки стрел и копий, торчали сломанные мечи, поэтому умные кони ступали осторожно, высоко поднимая копыта. Больше всего трупов, как это обычно и бывает, лежало у самых ворот и под стенами, но и внутри городских стен следов штурма хватало. Пожары уже догорали, огонь, пожрав все, до чего смог дотянуться, затух сам собой, и ветер разносил пепел и копоть. Лю мимоходом порадовался, что догадался повязать лицо шарфом и товарищам то же самое сделать приказал. Но все равно люди кашляли, сумрачно оглядываясь по сторонам. Лошади тревожно храпели и ржали. Небольшого, но оживленного Фаньюя, жившего за счет проходящих через него караванов, было не узнать. Конечно, не пройдет и года, как город снова отстроится, зазвенит голосами и монетами, заскрипит повозками. Черная рана покроется свежей зеленью, обгоревшие кости закроет трава, остовы домов растащат, кровь с камней смывают дожди. А через десять лет кто вообще вспомнит этот пожар и тех, кто погиб в нем?

Среди дымящихся руин копошились какие-то люди, бросавшие на всадников подозрительные и испуганные взгляды. Некоторые, заметив отряд, спешили раствориться в дыму, но большинству словно и дела не было до вооруженных мужчин на конях.

Дом магистрата Лю нашел по характерной детали – отрубленной голове, насаженной на пику у ворот. Ветер теребил длинные седые волосы из рассыпавшегося пучка, трепал пряди бородки. Несмотря на то что птицы уже потрудились над лицом казненного, Лю Дзы его узнал.

– Градоначальник Ли Бу, – махнул он на голову. – Вот уж по кому я не стану возносить погребальных молитв... Но где теперь искать хоть кого-то из чиновников?

– Так в яме они, наверное, – пожал плечами братец Фань, щурясь от солнечных лучей, косо пробивших дымный полог. – Сян Лян, как я слышал, так любит казнить: загонит старейшин в яму и велит стрелять до тех пор, пока все не помрут. А кого не добьют, тот сам задохнется.

– Да пусть он хоть живьем их варит и жрет потом вместо супа, – проворчал Лю. – Где искать сестру нашей небесной девы, вот в чем беда...

– погоди, брат! – Фань Куай привстал в стремени, оглядываясь. – Сейчас найду кого-нибудь... Придержи пока коня, я скоро!

Командир кивнул. Братец Фань славился чутьем на информаторов. Если в Фаньюе остался хоть кто-то, знающий про небесную лису, Фань его найдет и притащит.

Пока Лю ждал, похлопывая своего вороного по нервно вздрагивающей шее, вспугнутые было падальщики снова слетелись к голове градоначальника. Лю Дзы покосился на голову Ли Бу. Птицы уже выклевали глаза, и теперь пустые глазницы укоризненно пялились на командира мятежников, а левая щека распухла так, что казалось: господин Ли то ли щурится, то ли подмигивает. Лю сплюнул и щелчком плетки отогнал воронье. Как бы там ни было, а морализаторство Цзи Синя пустило корни даже в мятежной душе Лю Дзы.

Братец Фань вернулся быстро, на скаку размахивая копьем и зычно выкликая командира.

– Нашел! Я нашел! Брат Лю! Скорей!

– Кого нашел? Деву?

– Нет! Хозяйку веселого дома! Поспеш! Ее там сейчас палками забьют!

Лю не стал спрашивать дальше, а именно поспешил. Братец Фань не отличался выдающимся умом, но, если его встревожила судьба хозяйки борделя, значит, на то есть причины. Тем паче против кабаков и веселых домов, а также их хозяек Лю Дзы ничего не имел.

– Я их пока припугнул... – пропыхтел Фань Куай. – Тут недалеко... Вот! Видишь, в переулке?

От самого борделя, да и от переулка осталось очень мало, но толпа погорельцев собралась изрядная. Оборванные, грязные и злые люди окружили невысокую растрепанную тетку, единственным признаком профессии которой было яркое, но рваное платье да размазанные слезами белила и румяна на пухлом лице. Женщина жалобно причитала, прижимаясь к обгорелым бревнам, и пыталась прикрыть голову руками. Толпа напирала молча, и уже по этому молчанию стало понятно – намерения у людей серьезные.

Погорельцы столпились так плотно, что Фань Куаю пришлось пару раз стегануть по ним плетью, чтобы расчистить путь предводителю.

– Стоять! – рявкнул Лю, для остротки вздернув коня на дыбы. – Стоять! Все назад!

Люди глухо заворчали. На миг ему показалось, что, недовольные вмешательством, они осмелятся броситься на него самого, но потом кто-то узнал мятежника Лю.

– Пэй-гун! – крикнул сперва один, потом другой, а потом этот возглас взлетел над пепелищем Фаньюя, и злобная гурьба уже готовых убивать людей вдруг разом повалилась на колени. – Пэй-гун!

– Молчать! – крикнул Фань, вновь замахиваясь плетью. – Расступитесь! Дорогу нашему господину!

Не поднимая голов, люди отползали в стороны, но вороной храпел, не желая ступать на эту узкую тропку между согбленных спин, и тогда Лю Дзы спрыгнул с коня и, легко шагая, прошел по живому коридору туда, где икала от пережитого ужаса несостоявшаяся жертва.

– Что тут происходит? – негромко спросил он. – Кто эта женщина и в чем ее вина, люди?

И тут словно прорвало плотину, и людское... нет, не море, скажем так – человечья запруда всколыхнулась криками:

– Хулидзын!

Тетка взвизгнула и ползком метнулась к Лю, норовя ухватить его за сапоги.

– Да ладно... – удивился Пэй-гун. – Хулидзын? Она?! Вот она – хулидзын?

В опухшем лице хозяйки «дома, где продают весну» при желании, конечно, можно было разглядеть что-то от животного, но на лису, тем паче небесную, она совершенно не походила. Разве что на курицу.

Братец Фань, щедро раздав пару дюжин пинков, слегка успокоил народ и за шиворот выцепил из толпы горожанина посолидней и постарше, щеголявшего растрепанной седой бородкой.

– Вот ты говори, – проворчал Фань Куай. – А вы все молчите.

Словно (хотя почему – словно? Намеренно и продуманно, да!) для контраста с грубостью братца Фаня, Лю Дзы почтительно поклонился пожилому погорельцу и вежливо спросил:

– Уважаемый дядюшка, позвольте ли спросить, что это за история с хулидзын?

Старичок, внезапно произведенный в «дядюшки» самого Пэй-гуна, приосанился, пригладил выбившиеся из пучка волосы, отряхнулся и, обвиняющее тыча в хозяйку борделя пальцем, принялся довольно толково объяснять, почему владелица веселого дома вызвала такое возмущение.

Лю Дзы слушал и мрачнел. История выходила – хуже некуда.

Таня

Оставленной на холме Татьяне скучать тоже не пришлось. Едва над ее головой затрепетало на ветру красное знамя повстанцев, сюда со всех окрестностей стали сползаться местные жители. Те, которых недорезал и недожег помянутый ранее недобрым словом подлый пес Сян Лян. В основном, надо думать, они явились на запах пшенной каши, которую затеял повар мятежников. Идею покормить несчастных всячески поддержал братец Синь. И не столько из проповедуемого Конфуцием милосердия, сколько ради завоевания симпатий погорельцев.

– Где каша, там мир и любовь, – изрек он и сам с огромным удовольствием оприходовал пару чашек главного источника народной любви к любой власти.

К слову, кашу из проса ели здесь всегда и везде. А вовсе не рис! Таня и Люся попали в те благословенные времена, когда рис частенько заменял деньги и еще считался деликатесом для избранных, в число которых входили небесные девы. Когда же благородная Тьян Ню снизошла до пшенки, у Лю Дзы просто камень с плеч упал. Раз диковинное создание ест обычную пищу, меньше трат и проще содержание.

Наевшись, пострадавшие от произвола поганца Сян Ляна и его бешеного племянника вознесли хвалу благородному предводителю Лю и тут же принялись жаловаться на проклятие, насланное плененной хулидзын.

– Что они такое говорят? – моментально насторожилась Татьяна.

Братец Синь воспринял ее вопрос как приказ, требовательно взмахнул веером, и соратники приволокли местного жителя из тех, кто поприличней выглядит. Чтобы, стало быть, не оскорбить взор небесной девы. Но при виде еще одной белокожей и сереброглазой посланницы самого Яшмового Владыки бедолага разучился нормально говорить. Из его бессвязного щебетания Таня сумела понять лишь то, что Люся действительно была какое-то время в Фаньюе, а теперь ее увез лютый Сян Юн, чтоб ему пусто было, психу кровожадному. Но братцу Синю, который выцедил из бормотания гораздо больше, история с хулидзын не понравилась совсем. В качестве «благодарности» погорелец получил носком сапога под зад и таким образом уверился, что мятежники Лю Дзы – исключительного милосердия люди, за такими можно и в огонь и в воду идти. Раз не зарубил на месте, значит, человек хороший.

– Что с ней сделает этот Сян Юн? – не на шутку встревожилась Татьяна. – Он ее не убьет?

– Не думаю, – уверил ее Цзи Синь. – Напротив, выходит, что он ее спас.

И очень поэтично заметил: дескать, жизнь такова, что Синий дракон восседает рядом с Белым тигром, то бишь хорошее всегда соседствует рядом с плохим, добро – со злом, а радость – с несчастьем.

– Сян Юн спас небесную лису от издевательств черни – это хорошо, но замыслы этого человека темны и ведомы лишь Яшмовому Владыке. Такая вот он непредсказуемая личность, – сказал Цзи Синь и многозначительно посмотрел на Тьян Ню.

Татьяна и рада была бы подробно расспросить Яшмового Владыку насчет планов Сян Юна, только возможности такой она не имела.

– Мне без сестрицы никак нельзя возвращаться, – уклончиво заявила она. – Иначе нас накажет этот...

– Владыка Северного Ковша?

Цзи Синь был поражен.

– Ну-у-у... что-то в этом духе.

– Неужто она так сильно набедокурила на Небесах?

«Пока нет, я надеюсь, – печально вздохнула Таня. – Но Люся у нас такая – она может».

Разговоры про древних китайских богов ее весьма смущали. Это папа придумал бы красивую историю с участием повелителей грома и молний, с тиграми и драконами во второстепенных ролях. С его-то знаниями! Татьяна же хоть и любила Китай, но так глубоко в истории и мифологии никогда не копалась. А уж Люся... Что она наболтает бешеному Сян Юну – одному богу ведомо.

– Я бы на твоём месте, сестрица Тьян Ню, испросил бы совета у богини Западного Неба Сиванму. Или даже у Матушки Нюйвы. А?

– Хорошая... мысль, – согласилась Таня. Осталось только сделать так, чтобы богини ответили.

От похвалы своим умственным способностям братец Синь тут же расцвел, словно гибискус. Оно и понятно: одно дело – советы давать побратиму и совсем другое – небесной деве.

Татьяна и Лю Дзы

Лю вернулся из Фаньюя задумчивый, но решительный, а на известие о том, что небесную лису увез Сян Юн, только головой кивнул: мол, знаю уже.

– Не знаю даже, хорошо это или плохо для твоей сестры, Тьян Ню, да и для Сян Юна – тоже, – молвил он с видом человека, у которого не получился приятный сюрприз для дорогого гостя. – Он такой, понимаешь... – и покачал головой, подбирая слова. – Человек вне-

запного порыва. Конечно, когда он увидел, как небесную лису держат в клетке в борделе, то не смог пройти мимо. Он такой. Город сжег, но деву спас. И убить он ее не убьет, я уверен.

– Почему ты так уверен? Ты с ним знаком? – торопливо спросила Татьяна. Ее почти похороненная надежда воскресла, точно Лазарь по слову Христову.

– Слышал о нем много, – пожал плечами Лю. – Я даже думал присоединиться к войску Сян Ляна, его дяди. Но теперь... – И он коротко глянул на сгоревший Фаньюй. – Теперь друзьями нам с ним не быть. А жаль! Сян Юн – как необъезженный конь, несется, не разбирая дороги, а дядя вместо того, чтобы укротить его, лишь нахлестывает. Взгляни на этих людей, сестренка. Да, они невежественны, грубы и убоги, но это мои люди. У Сян Юна не было никакого права их убивать. Сейчас же, – он тряхнул головой, – они вина в своих несчастьях разом и его, и хулидзын, и Небеса. А она, твоя сестра... Как думаешь, могла она и впрямь проклясть?

Какое-то почти неуловимое мгновение Татьяна колебалась между стремлением добавить красок в их с Люсей сказочную историю и желанием рассказать правду, чтобы снять грех с души. Врать всегда сложнее, ведь ложь требует неустанной заботы о своей сохранности, подпитки и поддержки. Правда живет сама по себе, на то она и правда.

И небесная дева выбрала средний вариант – ни да ни нет.

– Если бы моя Лю Си хотела проклясть, то она бы начала прямо с офицера Шао.

– Ага, – кивнул Лю Дзы и придвинулся поближе. – Я почему-то так и думал. А позволь спросить еще кое-что... – и наклонился почти к самому уху девушки, чтобы шепнуть: – А она, твоя сестра, точно хулидзын?

Губами он почти коснулся кожи, невинно, как бы невзначай, повергнув тем не менее Тьян Ню в смятение. Мятежник – он во всем мятежник! А по его глазам только полная дура не догадалась бы, что спрашивал братец Лю не только и не столько про небесную лису. Хотя ответ уже знал, почти знал.

– Я почему спрашиваю, – тут же отстранившись, совершенно обычным тоном сказал он, будто и не было только что этого интимного шепота. – Если она действительно небесная лиса, как ты говоришь, – это плохо. Даже если она понравилась Сян Юну – особенно если она ему понравилась! – Сян Лян не позволит, чтобы рядом с племянником крутилась какая-то хулидзын. Если повезет, он просто заставит Сян Юна бросить ее по дороге. А если нет... Не у всех хватает почтения к Небесам, чтобы не выпотрошить беззащитную хулидзын. То ли желчь, то ли печень таких лис очень ценится, понимаешь, она на лекарства идет определенного рода. Я точно не знаю. Никогда не было нужды в таких пилюлях.

Упоминание о лекарствах, повышающих мужскую силу, еще сильнее выбило девушку из колеи. В Шанхае лавок, торгующих подобными снадобьями, было, пожалуй, больше, чем зеленных. Из чего только китайцы их не делали – от женишеня до морских коньков. «Зачем такое сказал? – спрашивала она себя. – Либо припугнуть решил, либо же... еще раз подчеркнуть, что силен во всех отношениях. Ну и кто здесь после этого коварный лис?»

Если бы Лю Дзы выбивал признание под пытками, то Татьяна держалась бы до конца. Но дружелюбное очарование творило с ее волей страшные вещи. Правда рвалась из груди и зудела на языке и нёбе, словно небесная дева объелась жареных баклажанов. И только памятное утверждение Сыма Цяня, что основатель династии Хань отличался редкостным коварством, удержало ее от искреннего признания.

«В любом случае правда никак не спасет Люсю сейчас», – рассудила Татьяна. Лю Дзы не вскочит на коня и не помчится вослед за Сян Юном, а значит, и рисковать не стоит.

– В тяжелую минуту боги послали ей на выручку Сян Юна, значит, спасут и от него самого, – заявила она решительно.

– Ладно, – покладисто согласился Лю. – Как скажешь, сестренка. Ну посиди там пока, – и показал на флаг, рядом с которым предусмотрительный Цзи Синь расстелил циновку. –

А я народ распределю. А как закончу, не откажешь мне в любезности? Подашь знамя, когда попрошу? Такой поход начинать надо торжественно. Знамя Небес для Сына Неба, лады?

– Лады! – в тон ему ответила Тьян Ню. Уж очень ей нравилось это его жизнеутверждающее словцо.

Только сейчас Таня поняла, чем так сильно заворожил их с Люсей отца далекий Китай, раз он рвался сюда и душой, и телом. К тому же умудрился заронить в сердца двух своих совершенно разных дочерей интерес ко всему китайскому. Он просто увидел однажды эти живописные горы, озера и водопады, изогнутые крыши и яркие цветы – и не смог забыть до самой смерти. Иначе не застыла бы на устах у профессора Орловского, умершего в далеком северном, залитом кровью городе, такая счастливая, почти блаженная улыбка. В последний свой миг он видел, должно быть, сверкающие струи каскадов маленьких водопадов и радуго над уединенной горной долиной. А может быть, острые пики скал, такие высокие, что дикие гуси, отправляясь на зимовье, пролетают меж ними, словно через исполинские врата? Что и говорить, волшебная страна, где вечно царят покой и мир. По крайней мере, должны царить.

Миром тут, конечно, и не пахло, покоем – тоже, но в сравнении с первозданной красотой природы все человеческие невзгоды меркли. И пока лошади шли по тропе то вверх, то вниз, Таню незаметно покинули все мрачные мысли, беспокойство уступило место надежде. Чем черт... точнее Яшмовый Владыка не шутит, вдруг Нюйва, которая, как утверждает легенда, скромно сидит у подножия трона Владыки, возьмет да и поможет? Взрослые девушки не верят в сказки, но разве не сказка то, что с ним приключилось в Шанхае?

– Гляди-ка, сестренка! Это и есть Цветочная гора, а на вершине – храм, – сказал вдруг Лю Дзы.

– Я там жить буду?

– Ну-у-у, только если сама захочешь, – рассмеялся предводитель Лю. – Под горой деревня есть, там обычные паломники обитают.

– А еще – странствующие маги и мудрецы, – вставил свое веское слово Цзи Синь.

– Говорят, чудесный туман не пускает нежелательных гостей в ту деревню. А врагов так и вовсе морочит, заставляет блуждать по лесу и заводит в опасные места.

Братцу Фаню было откровенно боязно. Против колдовства приемов нет, его копье не берет и меч не сечет.

А меж тем тропинка пошла под уклон, желто-серые стены отвесных скал стали выше, и подозрительный туман начал медленно сочиться через мелкое сито листвы. Отважные мятежники тревожно заозирались по сторонам, не выпуская из рук оружия.

– А вдруг нас не пропустят? – забеспокоился Фань.

– Это еще почему? – фыркнул Лю Дзы. – С нами небесная дева, – и заговорщически подмигнул Тане. – Ее колдовской туман послушается как миленький, верно?

И так как Татьяна ни в какое колдовство не верила, то кивнула без тени сомнения.

– Ты, главное, сам не заблудись, братец Лю, – попросил Фань.

Цзи Синь прошипел что-то осуждающее. Мол, твое недоверие, побратим, оскорбительно и может обидеть Небеса. И тогда уже точно жди неприятностей.

Но, видимо, не так уж и сильно нахамил предводитель Лю богам и богиням. Или же они решили в последний раз проверить стойкость его намерений, послав на пути озерцо – чистое и весьма романтическое на вид.

– Надо бы сперва искупаться, – внезапно предложил Лю. Недолго думая он спешился и начал развязывать кушак.

Но тут же, заметив укоризненный взгляд брата Синя, с досадой хлопнул себя по лбу и принял виноватый вид:

– Сестренка Тьян Ню! Не желаешь совершить омовение? – и показал на манящую чистую воду: мол, иди первой. – А мы подождем!

«Ветер поднялся великий,
Тучи летят пеленой.
Чтоб утвердить свою силу,
Вновь возвращаюсь домой...¹⁹

Отчего-то эта песня, которую пел Лю на берегу озера, врезалась в мою память намертво. Я пела ее моему первенцу вместо колыбельной. Тихонько, чтобы муж не слышал». *(Из дневника Тьян Ню)*

¹⁹ Стихотворение авторов по мотивам «Песни о великом ветре», которая приписывается императору Гао-цзу, основателю династии Хань.

Глава 5

Лисы и персики

«Сколько лет живу, столько убеждаюсь – не бывает случайных встреч, не бывает случайных людей. Особенно в нашем беспокойном мире, где на одну встречу приходится десять разлук».

(Из дневника Тьян Ню)

Тайвань, Тайбэй, 2012 г.

Ин Юнчен

Ин Юнчен вернулся к себе домой, когда небо уже порозовело на горизонте, готовясь запылкать утренним золотом. Беспокойство, нетерпение, азарт извивались в груди, словно змеи, притаившиеся под порогом. Только однажды Юнчен испытывал нечто подобное – давно, лет десять назад, когда сказал отцу, что не желает быть продолжателем семейного дела, а хочет отыскать собственную дорогу среди гор и равнин своей судьбы. «Я, – поклонившись, поклялся в тот день он своему родителю, – покорю весь мир, потому что почему бы и нет? Что скажете, почтенный батюшка?»

Тогда он был слишком молод и действовал по велению сердца, без раздумий, не утруждая себя тем, чтобы разобраться, что за сила толкает его вперед. Сейчас все было иначе. Ин Юнчен не любил громких слов, но вещи своими именами называть не боялся. Он знал: когда так горячо кипит кровь, когда кажется, что нет преград на пути к успеху, – это сама судьба дает своему избраннику знак. Пришло время перемен, настал час, способный навсегда изменить жизнь. И поэтому – только вперед, и как можно быстрее!

Он не упустил своей удачи десять лет назад, не упустит и сейчас – завоюет и мир, и женщину, которую хочет. Только слабые довольствуются чем-то одним, когда можно получить все! Ин Юнчен принял решение – и теперь спешил.

В лифте, который нес его вверх, в пентхауз с видом на Тайбэй 101, он обдумывал детали своего плана – своего наступления, – а потом, едва оказавшись в апартаментах, бросился к ноутбуку. Ин Юнчен знал достаточно, чтобы начать поиски девушки, которая, будто лиса-соблазнительница из старых сказок, скрылась, забрав с собой его покой.

Ее имя и адрес. Этого хватит. Закурив, он застучал по клавишам, торопясь, воодушевляясь, как и всегда, необходимостью разгадать головоломку, среди цифр, кодов, множества переменных и неизвестностей отыскать единственный верный ответ. Много ли в Тайбэе девушек по имени Сян Александра Джи? Нет! Только одна живет в большом доме из белого камня в самом центре города. Только одну ему до белого пламени в груди хочется целовать.

Полз по комнате дым от сигареты, одна за другой, словно песчинки, падали в вечность минуты – и вскоре Ин Юнчен откинулся на спинку стула, не отрывая взгляда от экрана. Там с фотографии улыбалась ему та, кого он искал и кого наконец-то нашел.

Себе на беду. Не веря своим глазам, Юнчен взгляделся в строки рядом с изображением девичьего личика: иероглифы складывались в историю, которую он читал с изумлением и едва ли не злостью. Скривив губы, Ин Юнчен еще раз повторил про себя имя ее отца и в раздражении потер ладонью лоб.

– Да не может такого быть, – услышал он собственный потрясенный голос. – Ах ты ж...

О, он был прав – судьба дала ему знак. Но, как и водится промеж богов, которые, смеясь, играют людскими жизнями, нить, что должна была привести его к желаемому, оказалась спутанной в клубок, перекрученной в заверть.

Саша

Это было смешно – в конце концов, она была не школьницей, попавшей под домашний арест! – но Саша не знала, как выйти из своей комнаты. Каждый раз, когда она выглядывала за дверь, взгляд ее натыкался то на «случайно» проходящую мимо горничную, то на одного из отцовских секретарей. Поначалу эта ненавязчивая слежка девушку даже смешила, но, когда утро промелькнуло, будто прочитанная наспех страница книги, а путь наружу по-прежнему был закрыт, она разозлилась.

После кошмарной ночи настроение Саши и так нельзя было назвать хорошим, а уж с помощью излишне заботливых родителей и слуг оно и совсем испортилось. Кипя от возмущения, девушка ходила кругами по комнате, пытаясь придумать незаметный способ покинуть дом. Снова ссориться с отцом совсем не хотелось – она провела в Тайбэе меньше двух дней, а отношения с семьей, и так неважные, самым отвратительным образом разладились. Но выбраться наружу ей было необходимо: Александра наконец придумала, как хотя бы немного приподнять завесу тайны над оставленной ей бабушкой загадкой.

– Что за насмешка! – бушевала девушка, бегая из угла в угол. – Мне уже давно не пятнадцать, чтоб сторожить меня, будто персики из Небесных садов!

И Саша с совершенно неподобающим девице хорошего происхождения рвением пнула диван.

Она была уверена – ей нужен совет человека, разбирающегося в истории династий Цинь и Хань. Ведь бабушка оставила не только дневник: в ларце из персикового дерева хранилась затейливая шпилька с нефритовой подвеской и терракотовая, с виду ничем не примечательная, рыбка. Это были зацепки. Девушка пока не понимала, на что намекала почтенная Тьян Ню, но в одном у нее не было сомнений – дополнительная информация о том времени, куда, по заверениям бабушки, занесло их с сестрой каким-то невозможно волшебным способом, ей точно не помешает.

К счастью – хоть тут помогли семейные связи! – нужного специалиста по Древнему Китаю она знала. Профессор Кан, археолог, автор нескольких книг, большой авторитет по артефактам империи Хань, частенько ужинал у них в доме. Ей легко удалось договориться с ним о встрече – приятный и вежливый голос ассистента пригласил ее подъехать в институт, где работал профессор, после полудня.

– Но теперь я не могу выйти из собственного дома, словно преступница! – возмущенно пожаловалась девушка зеркалам.

Впрочем, у нее была и еще одна причина сбежать от отца, в которой Саша боялась себе признаться.

Ин Юнчен.

Она не знала ничего, кроме его имени, это правда. Но у нее осталась принадлежавшая парню куртка – тяжелая, изукрашенная танцующими красными демонами, вся в заклепках и молниях. Вещь выглядела дорогой и явно сшитой на заказ. Возможно, думала девушка, рассматривая вышивку, если у нее получится узнать, где продаются такие вот кожанки, она сможет разыскать и своего спасителя...

– Чтобы поблагодарить! – неудержимо краснея, попыталась убедить саму себя Александра и уткнулась лицом в прохладную, едва уловимо пахнущую машинным маслом, мужским парфюмом и дорогим табаком подкладку. – Вежливость – признак достойного воспитания.

Про свидание, на которое она так легко согласилась, Саша старалась не думать. Не в ее привычке было, как выразилась бы бабушка Тьян Ню, вертеть хвостом. Обычно девушка с легкостью отказывала излишне напористым и хамоватым ухажерам. Почему в случае с Ин Юнченом не получилось поступить похожим образом, она сказать не могла. Просто так было нужно – и все.

Вздыхая, девушка в очередной раз приоткрыла дверь. Из коридора ей, кланяясь, улыбулась и демонстративно потрясла метелочкой для смахивания пыли служанка. Саша почувствовала, что щеки ее начинают полыхать от негодования. Родители всегда ругали ее за свое нравственный характер, за привычку говорить все напрямик, и сейчас девушка в очередной раз готова была разочаровать их своей несдержанностью. Она шагнула было вперед, намереваясь высказать горничной свое недовольство, и остановилась.

В ее комнате веселой трелью зазвонил телефон. Хмурясь, девушка захлопнула дверь, отыскала в сумочке мобильник и с недоумением уставилась на дисплей – там отображался незнакомой тайбэйский номер.

– Да? – с опаской – она не любила звонков с чужих номеров – спросила Александра.

– Ну привет, лисица, – раздался в трубке веселый и наглый голос, и девушка едва не выронила телефон из рук. – Вот я тебя и нашел, ха!

Ин Юнчен и Сян Александра Джун

Саша, чувствуя, как подгибаются ноги, опустилась на диван. Вот и правда: помяни Цао Цао²⁰ – и он уж тут как тут! Она и сама не знала, что думать. Сердце ее екало от радости, а разум подсказывал, что не стоит так уж бездумно ликовать, услышав голос случайно встреченного на улице парня. Если уж рассуждать толково, нашептывал девушке здравый смысл, то прежде стоит задаться вопросом – а как этот самый Ин Юнчен отыскал ее номер, который был известен лишь родителям и Ли?

«Вот и спроси его, спроси!» – предвкушением и жаром билось в крови безрассудство, и Саша, вцепившись в телефон, решительно вздохнула.

В этот раз она не оплошает! Поблагодарит за помощь вежливо и спокойно, поинтересуется, как водится, здоровьем и благополучием и спросит, куда отправить с курьером куртку. Теперь-то Ин Юнчен не застанет ее врасплох! А свидание... наверняка он шутил. Да. Подначивал ее – такие вот самоуверенные парни легко бросаются обещаниями и клятвами.

Александра открыла было рот – и не смогла вымолвить ни слова.

– Эй, лисичка? – повторил голос, и девушка, поражаясь самой себе, поежилась – по позвоночнику будто прошли быстрые теплые пальцы, а дыхание вмиг сбилось. – Ты меня слышишь?

– Д-да, – выдохнула она, ощущая себя старшеклассницей, которой позвонил самый популярный мальчик в школе.

– Я сейчас рядом с твоим домом, – заявил Ин Юнчен, – выходи. Осьминогов не будет, обещаю.

Не удержавшись, Саша рассмеялась. Надо же, запомнил. Отчего-то эта малость, мимоходом проявленная забота, согрела ее. Она виновато уставилась на кольцо, лежавшее на туалетном столике. Не то чтобы жених был невнимателен к ней, нет, но Ли отчего-то всегда считал, что жизнь – это дорога преодолений и побед над самим собой, и для того, чтоб достичь успеха, надо переступать через слабости и не потакать желаниям. Слава всем богам, есть осьминогов он ее не заставлял, но мисс Сян всегда чувствовала его тихое неодобрение, отказываясь в ресторанах от нелюбимой еды и напитков.

– Давай, – скомандовал между тем в телефоне довольный мужской голос. – Я жду.

Девушка облизнула губы, уже готовясь согласиться, но тут взгляд ее упал на дверь.

– Ах, – едва ли не с отчаянием сказала она. – Не получится.

– Чего так? Передумала?

²⁰ Китайская поговорка, аналог русского выражения: «Помяни черта...»

– Нет! – поспешно отозвалась Саша, совершенно позабыв о своем недавнем намерении вежливо отшить неожиданного ухажера. – Нет, я хочу с тобой встретиться, но не могу выйти из дома. Я разозлила родителей... и вот.

Признаваться в этом было смешно и немножко неловко, и девушка задержала дыхание, ожидая ответа. Ин Юнчен не производил впечатление человека, которому что-то можно запретить, – кто его знает, может, он сочтет ее недостаточно решительной?

– Тебя заперли в комнате, что ли? – с любопытством поинтересовался он.

– Почти, – нахмурилась Александра. – Дверь не закрыта, но толку-то! Если попробую выйти, слуги сразу доложат отцу.

В телефоне что-то щелкнуло, раздался приглушенный, но явственный звук работающего мотора. Девушка слушала, не понимая, что происходит.

– Слушай, – через несколько долгих мгновений произнес Ин Юнчен, – раз в дверь выйти нельзя, лезь в окно!

– Что? – изумленно переспросила она и поняла, что идея ей крайне нравится. Было в ней что-то безрассудное и сумасшедшее – настоящее.

Ли никогда бы не рискнул вылезти в окно – так было «не принято». Но в конце концов, там, на улице, ее ждал не Ли.

– Я тут, – как ни в чем не бывало продолжил говорить Ин Юнчен, – рядом с твоим домом покружил. Здесь у вас задняя калитка есть, для слуг, наверное.

– Есть, – подтвердила девушка, пребывая в некотором шоке от его предприимчивости.

– Ну и лады, – явно довольный собственной сообразительностью, хмыкнул он. – Так чего мы ждем? Сигай в окно, а я тебя у черного входа подхвачу. Если уж папаша у тебя такой лютый, что поделать. Иногда герои ходят в обход.

Вместе с телефоном Саша подошла к окну и уставилась вниз. Студия ее находилась на втором этаже, и до земли было порядочно, но ловкий и тренированный человек определенно сумел бы выбраться наружу без особых трудностей. По бордюру до водосточной трубы, потом на небольшой навес над внутренним двориком... у нее получится!

– Ты на каком этаже-то? – будто читая ее мысли, поинтересовался Ин Юнчен. – Если что, я могу подстраховать.

– Не надо, – загораясь азартом, отозвалась девушка. – Жди у калитки, я сейчас!

– Эй, – начал говорить он, но мисс Сян уже было не остановить.

Она вихрем пронеслась по комнате, собирая все необходимое, накинула легкий пиджак и после некоторых раздумий бросила в сумку терракотовую рыбку. Бабушкина шпилька выглядела слишком дорогой, чтобы вот так просто разгуливать с ней по улицам, а вот маленькая безделушка-талисман вряд ли могла привлечь внимание воришек. Профессору Кану наверняка хватит и ее, а если нет – никогда не поздно показать ему и другие сокровища из ларца Тянь Ню, верно?

Через несколько минут Саша была уже на улице. Девушка улыбалась, не в силах сдерживать ликования, – выбраться из дома оказалось куда как легче, чем ей представлялось! Ее тело, закаленное ежедневными упражнениями, не подвело. Чувствуя себя преступницей и необыкновенно веселясь, она прокралась через двор к калитке для слуг, оглянулась – и была такова.

Ин Юнчен ждал там, где и обещал, – на углу улицы, в тени деревьев. Увидев ее, он подмигнул лукаво и задорно, и Александра торжествующе ухмыльнулась и вскинула в воздух сжатый кулак.

– Поехали? – коротко спросил он.

Вздрыгнул и зарычал блестящий черный мотоцикл, забликовало в его зеркалах солнце. Внучка Тянь Ню виновато и в то же время радостно оглянулась на отцовский дом. Родители правы, она непочтительная дочь, но одного им не понять – правила, клетки и запреты

не в силах заменить этого вот ощущения, когда кружится от свободы голова и хочется смеяться просто потому, что жизнь так незабываемо, невероятно прекрасна.

Когда мотоцикл рванул вперед, навстречу шумному и кипучему Тайбэю, Саша прижалась к спине Ин Юнчена и подставила ветру лицо. Она даже не подозревала, что где-то далеко, вне времен, эпох и расстояний улыбнулось в этот момент змееглазое смуглолицое божество, почувствовав, как натягиваются, сматываясь в клубок, алые нити судьбы.

Империя Цинь, 207 г. до н. э.

Татьяна и Лю Дзы

Едва небесная дева укрылась за пышной зеленью прибрежных кустов, Цзи Синь категорично приказал побратимам повернуться к озеру спинами. Взмахнув веером для острстки, конфуцианец строго глянул на предводителя. Насчет скромности Фань Куая братец Синь не слишком беспокоился – простодушный богатырь так откровенно благоговел пред посланницей Небес, что подглядывать за ее омовением ему и в голову бы не пришло. А вот с командира Лю станется прогневить Яшмового Владыку – и нескромным взглядом, и дерзким словом, а там, глядишь, и непоправимым деянием.

Но Лю Дзы на эти опасения только рукой махнул, рассмеялся и начал расседлывать вороного.

– Не кружи надо мною, как зоркий коршун – над Великой равниной, братец Синь! – бросил он через плечо. – Давайте-ка лучше хвороста соберем да разложим костерок, чтобы наша небесная сестренка не простыла после купания.

– А хворост ты по берегу искать надумал? – подозрительно спросил Цзи Синь.

– Зачем по берегу? – удивился братец Фань, непонимающе переводя взгляд с одного побратима на другого. – Вон там, на склоне, полным-полно веток...

– Я, между прочим, о тебе забочусь, – проворчал конфуцианец. – Негоже начинать великое дело со святотатства!

– И в мыслях не было, – горячо заверил Лю, для убедительности помотав головой. Растрепавшаяся челка упала ему на глаза, придав командиру неуловимое сходство с его же жеребцом. Цзи Синь сердито фыркнул. В том, что касается женщин, на заверения брата Лю можно было положиться примерно в той же степени, что и на сдержанность его коня. Оба, на взгляд Синя, были слишком уж горячи.

– А чтобы ты не беспокоился излишне, – хмыкнул командир, – я спою, пожалуй. А вы оба – подхватите. А то в твоё благочестие, братец Синь, мне верить хочется, конечно, но а вдруг?..

И, увернувшись от вразумляющего удара, шустро отпрыгнул и махнул рукой уже со склона.

– Вот ведь!.. – Цзи Синь кинул вслед командиру камушек и, усевшись на снятое седло, принялся раздраженно обмахиваться веером. Но спустя пару мгновений уже поневоле улыбался. Между скал, над озером, фениксом взлетела песня Лю Дзы, а уж чем-чем, а голосистостью он отличался еще с детства.

Издревле в сердцах
Человеческих тайный огонь
Жжет думы, но с уст
Он людских не сорвется никак.

Ведь смертным отмерен
Короткий и горестный век,
Как пыль, унесенная

Ветром с великих равнин...²¹

– Хо! – радостно хлопнул себя по бедрам Фань Куай и подхватил голосом гулким, как бронзовый колокол:

Так лучше уж мне
Гнать коня все вперед и вперед.
Глядишь, и сумею
Мечом прорубить себе путь!

Цзи Синь сокрушенно покачал головой: эх, что ты будешь делать с этими несносными бездельниками! Никакого чувства великой ответственности! Один – силач-простак, второй – мальчишка и... бабник! Да! Ишь распустил хвост, трели выводит, что твой феникс в брачном полете!

Но песня Лю звала и манила, задорный его голос придавал бодрости и уверял, что таким трем героям все по плечу, и братец Синь сам не заметил, как тоже поет, да не просто поет, а еще и Фань Куая заглушает:

А не прозябать
В тяжелом и тщетном труде,
Не сетовать в горе
На несправедливость Небес!

В принципе так они трое и планировали поступить: подстегнуть скакунов и пробиться как можно выше. Все исключительно ради блага народа, само собой. Только из человеколюбия. Миром должен править великий человек, иначе нарушится порядок меж Землей и Небом.

До самой своей смерти маменька твердила одно: «Мужчинам верить нельзя!» А когда Танечка наивно спрашивала: «А папочке можно?» – мама скорбно поджимала губы и бросала короткое: «Нет!» Ее резкость была вполне объяснима наличием в жизни семейства Орловских Людмилы Смирновой – ребенка от другой женщины. По факту выходило, что папенька тоже принадлежал к малопочтенному обществу «негодяев, предателей и прелюбодеев», но Танечка все никак не могла в это поверить. Широкой души человек, каким был Петр Андреевич, просто жил на два дома, и его любви хватало на всех, а не только на археологическую науку и Китай.

Люсю на схожие выводы натолкнули вовсе не материнские наставления, а житейский опыт незаконнорожденной. Опаснейшее же путешествие по охваченной Гражданской войной России только укрепило решимость сестер противостоять мужскому вероломству. Известно же, что мужчинам надобно от девушек. А уж если в руках у «кавалера» случайно окажется наган, то разрешения спрашивать никто не будет вовсе.

«Амуры крутить будем в Америке! – любила повторять Люся, отказавшая всем ухажерам. – Там знаешь какие мужики водятся! О! Здоровенные и красивые!»

Американцев она видела в кино. Целых три раза. И очень рассчитывала заполучить жениха, возвращенного на техасских бифштексах и висконсинском молоке, – рослого голубоглазого блондина с пшеничными пышными усами.

²¹ Здесь и далее – стихи авторов (подражание песням из сборника древнекитайской поэзии «Шицзин»).

На китайцев, понятное дело, сестры даже не смотрели. И, как выяснилось, не зря. За последние две тысячи лет народ Поднебесной сильно измельчал по сравнению со своими древними предками. На закате Циньской империи тут водились настоящие богатыри. Из одного только братца Фаня можно было, например, выкроить четырех шанхайцев образца тысяча девятьсот двадцать третьего года. Все здешние мужчины были не только крупнее, но и гораздо выше русских барышень, это факт.

Правда, Таня доверила свою честь и безопасность мятежнику Лю Дзы не потому, что тот перерос ее на целую голову. А почему? Да просто так. Впервые за последние пять лет она чувствовала: сей представитель сильного пола ничего плохого ей не сделает. Поэтому помылась неторопливо и тщательно, желая предстать перед Матушкой Нюйвой как полагается – чистой душой и телом. Это как в субботу горячую ванну принять, чтобы потом на воскресную заутреню отправиться на исповедь и за святым причастием. К тому же папенька всегда говорил, что нужно уважать обычаи других народов, ибо возникли они не на пустом месте и не по злой прихоти. В чужой монастырь со своим уставом не суйся!

Побратимы, надо им должное отдать, честно блюди обещание не подсматривать. И пели так славно, что Тьян Ню даже заслушалась. А когда Лю Дзы затянул протяжное и очень мелодичное:

Ветер поднялся великий,
Тучи летят пеленой.
Чтоб утвердить свою силу,
Вновь возвращаюсь домой... –

Таня высунулась из кустов, да так и застыла на месте соляной статуей, точно Лотова жена.

Мятежник не только сам ванну принимал, но и Верного своего мыл. Блестели на солнце шелком лоснящаяся шкура вороного коня и золотисто-бронзовая мокрая кожа Лю Дзы. И поди разбери, где грива конская в воде полощется, а где длинные, ниже пояса, черные волосы мужчины. Крепкий и мускулистый, но гибкий и ловкий в движениях, Лю и сам был как большой сильный зверь. Внутреннее пламя опалило изнутри Танины щеки, шею и грудь.

«Боже мой, что я делаю! Стыд какой! Немедленно отвернись!» – приказала она себе. Без толку. Взгляд намертво прилип к широким плечам Лю, к его заботливым рукам, поглаживающим шею Верного. Жеребец фыркал, его хозяин напевал песенку, и оба были крайне довольны жизнью.

Мужчина развернулся и сделал два шага в сторону берега, прежде чем Татьяна догадалась – никаких исподних штанов на купальщике нет. Ох!

Пришлось насильно руками глаза самой себе закрыть, а то досмотрелась бы.

«Так! Срочно в монастырь, бесстыжая... То есть, конечно, в храм Матушки Нюйвы!» – строго приказала она себе.

По всему выходило, что Лю Дзы правильно все решил. Не место девице на войне рядом с красивым молодцом. Точно бы согрешили, как пить дать.

Вот теперь и спрашивается, как тут верить мужчинам, если себе уже не до конца веришь?

Понадеявшись, что никто из ее сопровождающих конфуза не заметил, Таня всю оставшуюся дорогу была тише воды. Затаилась, точно мышь под метлой. Побратимы уже беспокоиться начали – не обиделась ли? Вдруг бесцеремонность какую проявили? Или, упаси Яшмовый Владыка, неуважение? Цзи Синь весь извелся, выискивая причину отругать своих грубых друзей, умудрившихся чем-то задеть нежные чувства небесной девы. И, не в силах

видеть муки соратника, Лю Дзы принялся смешные рожи корчить. Смеяться вообще-то очень полезно для здоровья. Вот улыбнется братец Фань – и его страх перед духами как рукой снимет. А если хихикнет Тьян Ню, значит, попусту братец Синь крамолу выискивает. А когда на душе легко, то дорога вдвое короче получается.

Хорошо то, что хорошо заканчивается.

Если бы Господь позволил людям вернуться в эдемский сад... Хотя если вспомнить о том, с чего начался двадцатый век, ничего такого уже точно никогда не случится... Так вот, если бы врата в райские кущи вдруг распахнулись, то Таня еще бы крепко подумала – идти туда или до Страшного суда остаться в этой маленькой деревушке, надежно упрятанной в горной долине. Сладкую и томительную, словно жирные сливки, тишину аккуратно взбалтывали лопасти игрушечной водяной мельницы. Солнечные блики на воде не слепили, а манили прилечь в траву и смотреть в небо, угадывая в очертаниях летящих облаков драконов и фениксов. Старые сливы заботливо укрывали плечи усталых путников ажурной шалью тени и, должно быть, каждую весну крали не по одному сердцу своей неземной, поистине райской красотой.

– Я останусь здесь, – прошептала зачарованно Татьяна, заставив побратимов-мятежников удовлетворенно хмыкнуть.

Они бы все остались, но не судьба. В тишине и благодати, как всем известно, империи не куются. А жаль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.